

РИНА РОФИ

ТЕНЬ ЛУНЫ

Рина Рофи

Тень Луны

<https://litres.ru/74203673>

Аннотация

Меня зовут Леся и я оборотень. Хех, звучит как начало исповеди. Но нет, я не исповедуюсь, а лишь рассказываю вам свою историю.

В нашем мире все давно знают и об оборотнях, и о вампирах и даже о наследниках драконов. Кого только нет. Законы стаи просты и стары, как мир - на совершеннолетие в полнолуние волчица непременно находит своего волка, а волк - волчицу и под луной скрепляется брак и бла-бла-бла. Меня от одной этой перспективы – стать чьей-то «самкой» в восемнадцать – тошнило. Не дождавшись своего восемнадцатилетия я сбежала в мегаполис. Здесь можно затеряться. Голод полнолуния здесь гасят в специальных заведениях. Я ими не пользовалась. И вот мне 20 и меня накрыл жуткий зов Луны

Что ждет? - Истинная пара - Начальник и подчиненная - Два клана - От настороженности и борьбы к любви - Борьба за свою пару - Откровенные сцены - Тайна, которую предстоит разгадать

И конечно же читайте другие мои книги, которые не относятся к этой вселенной) Да, про оборотней, кручу со всех сторон эту тему)

Вторая книга этой серии уже полностью выпущена!
Сохраняйте себе ее, дабы вместе с Артуром и Лесей разгадать тайну и запечатлеть хеппи энд:

Третья книга, связанная с двумя, но главная героиня на сей раз
Лилия Теневая - дочь Артура и Леси

Содержание

Глава 1. Первая встреча	5
Глава 2. Артур	15
Глава 3. Встреча с начальником	23
Глава 4. Ирония судьбы.	27
Глава 5. Начало войны	39
Глава 6. Упс	44
Глава 7. За день до корпоратива	60
Глава 8. Когда добыча обнажает клыки	63
Глава 9. Принятие	70
Глава 10. Вечер и ответственность	75
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Глава 1. Первая встреча

Меня зовут Леся и я оборотень. Хех, звучит как начало исповеди. Но нет, я не исповедуюсь, а лишь рассказываю вам свою историю.

В нашем мире все давно знают и об оборотнях, и о вампирах и даже о наследниках драконов. Кого только нет в нашем мире. Законы стаи просты и стары, как мир - на совершеннолетие в полнолуние волчица непременно находит своего волка, а волк - волчицу и под луной скрепляется брак и бла бла бла. Меня от одной этой перспективы – стать чьей-то «самкой» в восемнадцать – тошнило. В семнадцать я сбежала в мегаполис. Здесь можно затеряться. Голод полнолуния здесь гасят в специальных заведениях. Я ими не пользовалась. Три года я справлялась сама, благо человеческая изобретательность подарила миру кучу увесилительных приспособлений. Я брала отгул и сутки напролет предавалась забвению в одиночку. Лучше так, чем быть привязанной к кому то на веки вечные.

Но не в этот раз.

Накануне луны, выпавшей на мое двадцатилетие, зов был таким сильным, что разум затуманивало. Тело выкручивало, будто в тисках. Мысли спутались, осталась только животная, всепоглощающая нужда.

«Сдаюсь, – прошипела я сама себе. – Пора. Иначе сойду

с ума».

Открыла ноутбук, вбила в поиск: «бары для полнолуния». Список был скромным, но он был. Клуб «Зов Луны». Боже, какое банальное название. Вычурно и пафосно. Но отзывы ничего, а главное – дресс-код: маски. Анонимность. Чистый животный сброс, секс без обязательств. То, что доктор прописал.

 Набрав номер, я услышала молодой мужской голос. Парень. Неловкость сдавила горло.

— Здравствуйте, — мой голос прозвучал неестественно высоко.

— Добрый день, — ответил он на том конце провода. — Чем могу помочь?

— Я хотела бы записаться... на эту Луну, — прочистила я горло, стараясь звучать увереннее.

— Прекрасно. Вы придете одна или в паре?

— Одна.

— Хорошо. Ваше имя и возраст? — спросил он деловито.

— Олеся. В полнолуние будет двадцать.

— Леся... Прекрасный возраст, — его голос смягчился, стал нарочито бархатным. — Я вас записал. Правила просты: никаких настоящих имен, маски не снимаем. У нас клуб, а не сватовство. Придумайте ник для бейджика.

Я на секунду задумалась. — Пусть будет «Белая Волчица».

На том конце повисла короткая, но красноречивая пауза.

— О! — в его голосе вспыхнул неподдельный, почти жад-

ный интерес. — Вы из белых? Редкость в наши дни. Мы очень рады, что вы выбрали наш клуб. Белых, на моей памяти, у нас еще не было. Что ж, я вас записал. Завтра в 19:00. Двери открываются за пару часов до полнолуния.

«Спасибо», — сдавленно бросила я и быстро положила трубку. Ладони были влажными. Ну вот, Лесь, договорилась. Точка невозврата пройдена. Меня охватила странная смесь страха, стыда и обреченной решимости.

Перед походом в клуб нужно было подобрать наряд. Магазин «Волчица и приятности» встретил меня знакомым ароматом лаванды и кожи. И вот удача — прямо у входа я столкнулась с Риной, подругой из старой жизни.

— Лесь! Какая встреча! — она порывисто обняла меня, сияя. — Ты в магазин? Неужели нашла своего волка и готовишься к Луне? Ну наконец-то! А то сколько можно в девках ходить!

Ее слова упали, как камень на сердце. Я натянула улыбку.

— Рина, боже, нет! Я просто собралась в бар и решила купить что-то... на эту ночь.

— В бар? — ее глаза округлились от изумления. — Ты серьезно?

— Да! — я попыталась звучать легко. — Ты же знаешь, я заядлая холостячка. Не хочу становиться чьей-то самкой. Мне всего двадцать! Рано. А так... побаловаться, сбросить напряжение.

Рина нахмурилась, отвела меня в сторону и понизила го-

лос до тревожного шепота.

— Лесь... а ты... того... с кем-нибудь хоть делала это?

— Нет, — так же шепотом призналась я, чувствуя, как горит лицо. — А что?

— Лесь, в бары девственницы не ходят! — выдохнула она, глядя на меня с ужасом. — Их не пускают! Это же негласное правило. На тебя набросятся, могут порвать... Ты не понимаешь инстинктов!

— Ой, перестань! — я отмахнулась, хотя внутри все сжалось. — Найду кого-нибудь поспокойнее и симпатичного. Договорюсь.

— Лесь, смотри... — она взяла меня за руку. — Если обман вскрыется, волк может не просто тебя взять. Он может... пометить, как свою. По-настоящему. А тогда пиши пропало. Свободе конец.

— Да не пометит! — попыталась я убедить ее и себя. — Мне нужен только секс!

— А ему? — одним этим вопросом она обезоружила меня.

— Да там, по любому, такие же заядлые холостяки, — показала я плечами, делая вид, что уверена. — Все будет нормально.

— Ну, смотри... — Рина не сдавалась. — Может, тебя свести с моим братом? Он как раз приезжает. Парень хороший, заботливый...

— Ой, нет, Рин! — я поморщилась. — Мне сватовства в

клане хватило на всю оставшуюся жизнь.

— Ну, как знаешь... — вздохнула она. — Вдруг бы твой волк пару в нем нашел. И мы бы родственниками стали.

— Не-не, это как-нибудь без меня, — я выскользнула из ее объятий. — Я пойду, Рин, мне еще платье выбрать.

На вешалках висели откровенные наряды из кожи и кружева. Я с тоской посмотрела на них и выбрала самое скромное — короткое белое платье из блестящей ткани, с глубоким декольте. Оно было до неприличия коротким, но хоть не делало меня похожей на жрицу порока. Один раз надеть и всё.

Придя домой тут же села на диван и набрал начальник Артур Львович,
 — Добрый день, это Леся
 — Да, Леся, говори , - сказал он как-то сдавленно ..
 — Кхм, завтра я не смогу быть на связи. В больницу иду на обследование.. Прошу у вас отгул.
 — Да, без проблем, я завтра сам в разъездах буду.. И, кстати, я еще с тобой не знаком лично, хотя пол года ты работаешь в нашей компании. Через два дня я жду тебя в нашем головном офисе.
 — Да, хорошо! Обязательно приду!
 — Захвати еще с собой папку с наработками по твоей манге. Мы повысили рейтинг до 21+ , нужно будет изменить стилистику. Фанаты требуют 21+. Справишься? Если нет, отдам проект другому, а ты возьмешь снова 15+.
 — Справлюсь конечно, не беда!
 — Вот и хорошо, завтра отдыхай, после завтра у меня.
 — Спасибо, Артур Львович!

 Повесив

трубку я выдохнула, день свободный, а после - знакомство с главой издательства «АиЛ». Заодно и поинтересуюсь, что значит АиЛ. На счет А догадываюсь - Артур, а дальше. Очень уж интересно.

Вечер прошел в доработках и переработках эскизов для персонажей манги. 21+ рейтинг - это голый секс, члены и более чувственные тексты.. Хех, как раз на природе завтра и посмотрю, раз в клуб иду. Смущал ли меня рейтинг 21+?
Вот нисколечко, а чего смущаться, я ж просто рисую персонажей. Нужны члены, будут члены, да хоть тентакли. Не себя ж рисую. Вообще за два года работы в издательстве и пол года под руководством Артура я чего только не рисовала и не писала. Правда да, лично с начальником не знакома была, ну и он, в конце концов, не святой мальчик явно, поэтому смущения быть не должно...

С этой мыслью я отложила ноутбук и проспала до утра, а с утра начала сборы.

Вечером, стоя перед клубом «Зов Луны», я чувствовала, как воздух буквально вибрирует от сдерживаемого возбуждения. Десятки взглядов скользили по мне. Я поправила белую маску, скрывавшую половину лица, и сделала шаг вперед.

Ко мне подошел молодой администратор, тот самый, с которым я говорила по телефону.

— Ваш ник? — спросил он, и его взгляд, полный нескрываемого любопытства, пробежался по мне с ног до головы.

— Белая Волчица, — ответила я, и тут же почувствовала, как окружающее шептание стихло, а на меня обернулись по-

что все присутствующие. Мурашки побежали по спине.

— Это вы... — в его глазах вспыхнула та самая тревожная, оценивающая искорка. — Приятно познакомиться лично. Держите ваш бейджик. И проходите быстрее, — он наклонился чуть ближе и добавил с усмешкой, — а то вас тут съедят, не дождавшись Луны.

Внутри пахло дорогими духами, кожей, деревом и животными инстинктами. В полумраке, под приглушенный стук сердца, на бархатных диванах тела сплетались в немых, откровенных объятиях. Боже, какие сюжеты для манги... Хоть сейчас садись и рисуй. Я попыталась отогнать профессиональные мысли и осмотрелась.

И тогда мой взгляд упал на него. На втором этаже, на перила, оперся высокий, широкоплечий мужчина. В руке он держал бокал с темно-янтарной жидкостью. Его черная маска скрывала лицо, но не могла скрыть позу — позу хищника, спокойного и уверенного в своей силе. И в этот момент он повернул голову и посмотрел прямо на меня.

Время замерло. Его глаза, ярко-желтые, приковали меня к месту. Они не просто смотрели — они пронзали, сканировали, видели насквозь. Я услышала собственный писк, похожий на звук, который издает загнанный заяц. Он медленно, будто пробуя воздух на вкус, втянул ноздрями воздух. Его грудная клетка расширилась. И тогда из его груди вырвался низкий, гортанный, абсолютно звериный рык. Рык альфы. Рык, оповещающий всех о том, что он нашел свою добычу.

Свою пару.

Бежать! — просигналил мозг, отключив все остальные чувства. Ноги сами понесли меня. Я ринулась к первой же двери, ворвалась в темную комнату и захлопнула ее за собой, прислонившись спиной к прохладному дереву. Сердце колотилось так бешено, что я почти не слышала ничего вокруг. Он здесь. Тот самый. И он меня узнал. Это конец. Всему конец. За дверью послышались твердые, размеренные, неумолимые шаги. Они приближались. Я зажмурилась, пытаюсь стать невидимой.

Дверь открылась без стука. Он вошел, и его крупная фигура заполнила собой все пространство комнаты. От него исходил тот же дикий, древесный аромат, что и тогда, только теперь он был густым, как туман.

— Не подходи, — выдохнула я, прижимаясь к стене, как к последнему оплоту безопасности.

Он усмехнулся, и в этом звуке слышалось изумление, насмешка и что-то еще... одобрительное?

— Вот те раз, — произнес он, и его низкий, бархатный голос, казалось, вибрировал в самом воздухе. — Я в кой-то веке учуюл нечто по-настоящему интересное, а меня встречают вот таким приемом. — Он сделал маленькую паузу, давая словам просочиться в сознание. — Милая волчица, напомни, зачем ты пришла в это место?

— Я... я пришла за тем, зачем все, — попыталась я выпрямиться, вложив в голос как можно больше твердости. —

Но только не с тобой.

— И что же тебе не нравится? — он сделал шаг вперед, и я инстинктивно отступила. — Мой рык? Он ведь был всего лишь констатацией факта. Зовом природы, если угодно.

— Я знаю, что он означает! — голос дрогнул, выдав мой страх. — И мне это не нужно! Слышишь? Не сейчас и не с тобой!

— Тогда ты должна знать и другое, — его голос потерял игривые нотки, став твердым и холодным, как сталь. — Если волк нашел свою пару, его уже не остановить. Никакими правилами. Ты сама пришла сюда. Будь готова к последствиям.

— Я тебе не пара! — отчаяние придало мне сил. — Здесь свои правила! Анонимность! В этом городе ты меня больше никогда не найдешь! Давай просто разойдемся, как цивилизованные люди, и ты найдешь себе другую! Настоящую!

Он стремительно сократил расстояние между нами. Теперь он был так близко, что я чувствовала исходящее от него тепло. Его пальцы коснулись моей щеки, и по телу пробежали мурашки. Прикосновение было обжигающим.

— Найти свою пару — все равно что выиграть джекпот, — прошептал он, склонившись так близко, что его дыхание коснулось моей кожи. — И ты всерьез думаешь, что я просто так, по-твоему, «цивилизованно», откажусь от своего выигрыша и даже не попробую?

Дипломатия провалилась, — пронеслось в голове.

Оставалось одно — грубая сила.

— Не просто так! — рывком я послала колено вверх, целясь в пах.

Удар пришелся точно в цель. Он ахнул, сгибаясь пополам, лицо исказила гримаса боли и шока.

— Дикарка! — просипел он, с трудом переводя дыхание. — Ты из каких же волков будешь, раз манеры тебе неведомы! Одичала что ли, давно не была с самцом?!

— Из тех, что тебе и не снились! — крикнула я, выскальзывая за дверь. Сердце бешено колотилось, в висках стучало. — Аривидерчи! Надеюсь, я тебя больше никогда не увижу!

Я бежала через зал, не разбирая дороги, чувствуя, как его взгляд, полный ярости и изумления, жжет меня в спину. Я мчалась к выходу, к свободе, к своему одинокому, но безопасному будущему.

Глава 2. Артур

Три месяца.
Ровно столько я держал своего зверя в ежовых рукавицах, заглушая его рык работой, виски и снотворным. Но эта Луна была сильнее. После разговора со своей подчиненной я понял — пора сдаваться. Волк рвался на свободу, и я уже не мог ему противостоять.

Набрал номер своего старого друга.

— Дим. Это Артур. Записывай меня. Буду завтра.

— Арч! Наконец-то! — в трубке послышался радостный, немного хриплый возглас. — А то ты совсем затворником стал, я уж думал, ты в монахи подался. Инстинкты ведь не обманешь, дружище. Как записать?

— Тень, — коротко бросил я.

— Мрачновато, — рассмеялся Дим. — Прямо Граф Волкакула. Под стать твоей стае.

— Перестань, Дим, — буркнул я беззлобно. Усталость брала верх, голова гудела. — Не до шуток. Пиши «Тень».

— Ладно, ладно, не кипятись. Кстати, к нам сегодня эксклюзивный гость заглянет — Белая Волчица. Представляешь? Такой редкий окрас. Когда ты последний раз белых вживую видел?

Белые... Да, редкость. Гордые, независимые, дикие до мозга костей. Последний раз, наверное, года три назад, на севере.

— Не припоминаю, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и безучастно. — Ладно, Дим, до завтра.

На следующий день, вечером я подъехал к «Зову Луны» на своем «Мерседеса», когда у входа только начинали собираться первые гости. Я любил приходить раньше — наблюдать, оценивать, чувствовать атмосферу. Мой друг Дмитрий, он же владелец и главный администратор этого заведения, встретил меня у входа.

— Вид у тебя, Арч, затраханный, — без церемоний заключил он, вручая мне черную маску и бейджик с ником «Тень». — Работой ты себя совсем извел. Смотри, самок сегодня не порви, а то потом претензии будут.

— Ты зануда, Дим, — я снял пиджак, чувствуя, как под кожей уже шевелится нетерпение, знакомое напряжение в мышцах.
— Это я по-дружески. Твой виски, шотландский, как ты любишь, уже в твоей ложе ждет. И помни, правила для всех. Даже для тебя, мой Альфа.

Я кивнул и прошел внутрь, поднимаясь на свой привычный наблюдательный пост на втором этаже. Отсюда открывался идеальный вид на весь зал. Клуб потихоньку погружался в свою привычную атмосферу ритуальной похоти. Воздух становился густым, сладким и тяжелым от феромонов, звуки приглушенных стонов и смеха сливались в один навязчивый гул. Мой зверь отвечал на все это глухим, недовольным рычанием где-то в глубине груди. Ему было мало просто наблюдать.

И вдруг... я учуял его. Сквозь эту плотную, удушливую завесу всеобщего желания пробился чистый, холодный, как первый зимний ветер, аромат снега, хвои и чего то нового. Свободы. Я инстинктивно выпрямился, всматриваясь в толпу, опустил взгляд и увидел ее.

Она стояла посреди зала, словно белое пятно на грязном холсте. Вся в белом — платье, волосы, маска. Она невероятно выделялась и озиралась с таким наивным, почти детским любопытством, что это резануло по нервам. Не место тебе здесь, маленькая волчица. Тебя сожрут с потрохами.

И в этот момент ее взгляд, ясный и голубой поднялся и встретился с моим.

Это был удар. Не метафорический. Физический толчок под дых, от которого кровь ударила в виски, а сердце на мгновение замерло, чтобы потом забиться с удвоенной силой. Зверь внутри взревел, оповещая весь мир о своей находке. Громко, не скрывая, не сдерживаясь. Пара. Моя. Рык вырвался сам собой, низкий, гортанный, полный абсолютной, животной власти.

А она... Она не потянулась навстречу. Не замерла в благоговейном ужасе. В ее огромных глазах, которые я видел даже отсюда, вспыхнула чистейшая, неконтролируемая паника дикого зверька, попавшего в капкан и в следующую секунду она бросилась прочь, как ошпаренная.

Бежит? Это было настолько неожиданно, так противоречило всем инстинктам и законам нашего мира, что на мгно-

вание я просто онемел, наблюдая, как ее белое платье мелькает в толпе. Она убегает от меня?

— Стоять! — мысль была обжигающей, полной ярости и невероятного, возбуждающего азарта.

Я легко, почти небрежно, перекинулся через перила второго этажа и бесшумно приземлился на мягкий ковер внизу. Она, как испуганная мышь, юркнула в первую же дверь. В мою вип-ложу.

Сама в ловушку. Глупая, отчаянная волчица. Ну что ж, поиграем.

Я вошел в вип-комнату, и она тут же отпрянула, как ошпаренная, прижавшись спиной к дальней стене. В полумраке ее хрупкая фигура казалась почти призрачной. Белые волосы, белое платье... И этот злосчастный бейджик на груди: «Белая Волчица».

Да ладно, неужели? Серьезно? – пронеслось в голове с оттенком едкой иронии. *Моя судьба, моя «пара» – дикарка-северянка, пахнущая снегом и свободой. Какой извращенный поворот судьбы.* Я не смог сдержать усмешки, уголок губ дрогнул в полуулыбке.

— Не подходи, – ее голос прозвучал тонко, но в нем слышалась сталь, заставившая моего внутреннего зверя настрожиться.

— Вот те раз, – я рассмеялся, низко и бархатисто, наслаждаясь ее испугом. – Я, можно сказать, впервые за долгие годы учуял нечто по-настоящему интересное, а меня встре-

чают таким вот дурацким запретом. — Я сделал небольшой паузу, давая словам просочиться в ее сознание.
 — Милая, напомни, с какой целью ты вообще переступила порог этого заведения?

— За... надом. За тем самым, — она смущенно потупила взгляд, и это бесило.
 Чего ты смущаешься, глупая девочка? Ты в храме похоти, а не на первом свидании.

— Но... но с вами не буду, — она вдруг подняла на меня взгляд, и в ее голубых глазах вспыхнул настоящий вызов. Это было неожиданно... и чертовски привлекательно.

— И почему это? — я притворно нахмурился, делая вид, что озадачен. — Мой невинный рык напугал тебя?

— Я знаю, что он означает! И мне это не нужно! Совсем! Вот не сейчас!

Странная какая, — подумал я с раздражением. — Другие самки мечтали бы оказаться на ее месте, лечь под альфу в ночь Луны, а эта... совсем одичала.

— Тогда ты должна знать и то, что если волк учуял в ком-то свою пару, его уже ничто не остановит, — парировал я, чувствуя, как азарт начинает закипать в крови. — Маленькая волчица, поздно возмущаться. Сама пришла в логово — будь готова к последствиям.
 Бросает мне вызов... Ну что ж, посмотрим, кто кого.

— Я тебе не пара! — с отчаяньем бросила она. — Здесь свои правила! Анонимность! В этом городе ты меня больше никогда не найдешь! Давай просто разойдемся, как цивили-

зованные люди, и ты найдешь себе другую! Настоящую!

Мне вдруг, к своему удивлению, стало немного не по себе, словно я и вправду занимаюсь чем-то грязным, домогаюсь ее, но зверь внутри уже проснулся и не собирался отступать.

Я медленно, неотрывно глядя ей в глаза, сократил расстояние между нами до неприличия. Теперь я чувствовал исходящее от нее тепло и слышал учащенное биение ее сердца.

— Ты же знаешь, что это сильнее нас. Меня. Тебя, — прошептал я, почти касаясь ее губ своими. — Найти свою пару — все равно что сорвать джекпот в лотерее, которую устраивает сама судьба. И ты правда думаешь, что я просто так отпущу свой выигрыш и даже не попробую?

— Не... просто так! — выкрикнула она, и в следующее мгновение ее нога с неожиданной силой и точностью врезалась мне прямо в пах.

Острая, сковывающая, унижительная боль пронзила все мое существо. Я согнулся пополам, с трудом переводя дыхание.

— Совсем озверела! — просипел я сквозь стиснутые зубы, глотая воздух. — Ты из каких же волков будешь, раз ведешь себя как последняя дикарка! Давно не была с самцом что ли?!

— Из тех, что тебе и не снились! — ее голос, полный торжества и ненависти, донесся до меня уже из-за двери. — Ари-видерчи! Надеюсь, больше тебя никогда не встретить!

Она умчалась, оставив меня одного в комнате, полной ее

пьянящего аромата. Я так и остался стоять, скрючившись, в полном недоумении. Вскоре в комнату вошла другая волчица – опытная, готовая, от нее так и тянуло похотью и сексом. Луна бушевала в крови. Что ж, раз уж пришел... Я не стал сопротивляться. Я сделал то, что требовал зверь, взял ту, что была под рукой, но мысли, проклятые мысли, были только о ней. О строптивой блондинке с нравом цепного пса. И о ее ледяных, бездонных глазах.

Так и прошла ночь. Наутро, едва занялся рассвет, я подошел к Диме, который деловито подводил итоги в баре.

— Дима, контакты Белой Волчицы. Быстро.
 — Эй, полегче, Арч, – он поднял руки в защитном жесте. – Правила заведения, ты же сам...

Я не сдержался, схватил его за воротник рубашки и притянул к себе, так что наши лица оказались в сантиметрах друг от друга.
 — Я учуял в ней пару, – процедил я, глядя ему прямо в глаза, чтобы он понял всю серьезность. – А знаешь, чем пахнет для тебя отказ Альфе выдать информацию?

— Понял, не дурак, – буркнул Дим, и я отпустил его. Он рывком рванул к компьютеру. – Номера, с которых звонят, мы не сохраняем, отследить сейчас нереально. Но есть имя: Олеся. Возраст – двадцать лет, вчера исполнилось.

— Этого достаточно, – я выдохнул, чувствуя, как напряжение немного спало. – Я найду ее. Спасибо.
 — Арч, ты уверен? – Дим посмотрел на меня с неподдельным беспокойством.
 — Более чем. Если вдруг она снова здесь

объявится – немедленно дай мне знать.
 — Без проблем.

Глава 3. Встреча с начальником

Утро. Я лежала с открытыми глазами, чувствуя себя так, будто меня переехал паровоз, развернулся и проехался еще раз для верности. Каждая мышца ныла, в висках стучало, а внутри царила выжженная, пустынная тишина после вчерашней бури инстинктов. Но отступать было некуда. Встреча с Артуром Львовичем, моим всемогущим начальником, висела над моей карьерой дамокловым мечом.

Соберись, Лесь, — сурово приказала я себе, глядя на свое бледное отражение в зеркале. *Ты профессионал. Рейтинг 21+? Ерунда. Будешь с невозмутимым видом обсуждать члены, клиторы и тентакли, как будто это параметры дизайна интерьера. Ты же не себя рисуешь. Держись.*

Я нацепила свой «боевой» костюм — строгую юбку-карандаш, белую рубашку и галстук, пытаюсь создать образ серьезной, деловой женщины. «Ну какая красotka, — с горькой иронией подумала я, поворачиваясь перед зеркалом. — Прямо героиня аниме про офисный планктон. Идеальный камуфляж для мангаки, собирающейся обсуждать секс.»

Здание издательства «АиЛ» возвышалось над городом стеклянным монолитом. Войдя внутрь, я почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Все здесь кричало о деньгах и власти — дорогой мрамор, тихое гудение систем, безупречно одетые сотрудники.

Подойдя к стойке ресепше-

на я спросила:

— Простите, у меня назначена встреча с Артуром Львовичем. Он уже подошел? — мой голос прозвучал чуть выше, чем я хотела.

Секретарь за стойкой ресепшена, миловидная девушка, улыбнулась беззаботной улыбкой человека, не ведающего о моих терзаниях.
 — Нет, но он скоро будет. Поднимайтесь на десятый этаж, подождете у его кабинета.

— Спасибо, — я бросилась к лифтам, чувствуя, как десятки глаз впиваются в мою спину.
 Успокойся. Они просто смотрят на новенькую.

И тут... я почувствовала *это*. Тяжелый, пристальный, прожигающий взгляд. Он был таким физическим, что я вынуждена была аккуратно повернуть голову.
 Не может быть. Паранойя. Просто нервы.
 Медленно, преодолевая сопротивление каждого позвонка, глазами я стала искать источник взгляда. Секунда. Две. Мое сердце замерло, а потом рванулось в бешеной скачке. У стойки ресепшена стоял *ОН*. Высокий, широкоплечий, с знакомыми черными волосами. Даже из далека видя его лицо, я узнала его по осанке, по той ауре власти, что исходила от него и черт, по запаху *ЧЕРТ! НЕТ! ЭТО ОН! Тот самый из клуба! Как?!*

Паника, острая и слепая, ударила в голову. *БЕЖАТЬ!*
 «Дзынь» — звук открывающихся лифтовых дверей прозвучал для меня райской музыкой. Я влетела внутрь и, дрожащими пальцами, начала судорожно тыкать в кнопку десято-

го этажа, мысленно взывая ко всем богам, чтобы он не видел, не заметил, не последовал за мной. Двери, будто издеваясь, закрывались мучительно медленно. Когда они наконец сошлись, я прислонилась к стене, пытаюсь заглушить оглушительный стук сердца в ушах.

Как он меня нашел? Что за чертовщина? Он что, волшебник? Обращался к нагам? Учуял сквозь бетон и сталь? Я же все следы запутала! В голове металась куча вопросов, но не было ни одного внятного ответа, только леденящий душу страх.

Лифт плавно поднялся. Двери открылись в другой мир — просторный, залитый светом холл, утопающий в зелени. *Как же здесь красиво... и как же страшно.*

— Здравствуйте, у меня встреча, где мне подождать Артура Львовича? — мой голос прозвучал подозрительно хрипло.

Секретарь на этаже, улыбчивая женщина, выглянула из-за монитора.
— Здравствуйте! Вы Олеся?
— Да, я ваша мангака, — я попыталась выжать из себя подобие улыбки.
— О, как хорошо! Проходите прямо в его кабинет, он через минут десять поднимется.
— Спасибо! — я чуть не побежала в указанную дверь, чувствуя облегчение.
Кабинет. Замкнутое пространство. Здесь я в безопасности.

Кабинет поразил меня. Это была не просто комната, это был зал для аудиенций у короля. Огромный стол из темно-

го дерева, массивное кожаное кресло, за которым, казалось, мог бы поместиться небольшой автомобиль. В углу мерцал огромный аквариум с золотыми рыбками.

Я нервно прошла по комнате, пытаясь унять дрожь в коленях.

И тут дверь бесшумно открылась.

Я обернулась. И сердце мое просто остановилось.

В дверном проеме стоял он. Артур Львович. И его пронзительные, хищные зеленые глаза были прикованы ко мне. В них не было ни капли удивления. Только холодное, всепонимающее знание.

— Ой... — единственный звук, который я смогла издать, был похож на писк пойманной мыши и я плюхнулась прямо в его кресло. Удобное, смею заметить. Мой мир сузился до этих двух глаз, смотрящих на меня с безмолвным приговором.

Глава 4. Ирония судьбы.

Я видел, как она метнулась в лифт, словно испуганная серна. И, черт возьми, я не смог сдержать широкой, довольной улыбки. *Беги, беги, маленькая дикарка. Все равно теперь ты в моей клетке.* Она, ничего не подозревая, ждала меня в самом сердце моих владений. Ирония судьбы была настолько сладка, что я чуть не рассмеялся вслух. Она сама, добровольно, пришла к своему альфе. Прямо в пасть.

Я дал ей время. Минут десять. Пусть посидит в моем кресле, привыкнет к моему запаху, проникнется атмосферой моего пространства. Охота требовала терпения.

Поднявшись на свой этаж, я почувствовал ее запах еще в лифте — тот самый, чистый, холодный аромат, который врезался в память. Он вел меня, как нить Ариадны.

— Артур Львович, вас Олеся Викторовна ждет в кабинете, — доложила секретарь Люда.

— Спасибо, — кивнул я и подошел к двери. Рука сама потянулась к ручке. *Ну что ж, начнем.*

Я открыл дверь и замер на пороге, наблюдая. Она стояла у аквариума и только оглянулась, нервно села в мое кресло, а из ее груди вырвался тот самый, до боли знакомый, мышинный писк. Мурашки пробежали по коже. *Вот она. Моя добыча.*

— Олеся, какой сюрприз, — начал я, и мой голос прозвучал

чал нарочито спокойно, почти ласково. Я наслаждался каждой секундой этого спектакля. — Или, быть может, правильнее сказать... «Белая Волчица»?

Ее лицо залилось густым, алым румянцем. Глаза расширились, в них читался животный ужас зверька, загнанного в самый угол. Я намеренно не стал приближаться, давая ей пространство для страха. Прикрыл дверь и облокотился о косяк, демонстрируя полный контроль над ситуацией.

— Знаешь ли, между прочим, — продолжал я с легкой, почти дружеской улыбкой, — получить по яйцам - не самое приятное. Надолго запоминается.

— Вы... вы не оставили мне выбора! — выпалила она, и ее взгляд снова, как и тогда, метнулся к двери, ища спасения. — И вообще, я пришла по работе! Обсуждать проект!

Я медленно, не сводя с нее глаз, словно хищник, играющий с жертвой, повернулся и с громким, отчетливым щелчком повернул ключ в замке. *Нет уж, милая. На этот раз твой побег не предусмотрен.*

— Да-да, я помню о проекте, — кивнул я, все так же улыбаясь. — Но вот что интересно... ты сидишь в *моем* кресле. — Я сделал многозначительную паузу, давая ей прочувствовать символичность этого жеста. — Или ты уже начала метить мою территорию? Заранее, так сказать?

Она вспыхнула так, что, казалось, вот-вот загорится. Судорожно, как ошпаренная, она подпрыгнула и отскочила от кресла, прижимаясь спиной к стене, словно пытаясь стать ее

частью.

— Нет, простите, я случайно!
 Я не спеша, с наслаждением растягивая момент, обошел стол с одной стороны. Она, зеркально отражая мои движения, засемила в другую, сохраняя между нами максимальную дистанцию.
Как в танце. Прелестно.

Я резко развернулся и, не сдерживая своего зверя, тихо, но очень отчетливо рыкнул. Низкий, гортанный звук, полный власти и обещания.

Она снова подпрыгнула и пискнула.
Боже, это просто восхитительно. До чего же она смешная, когда напугана.

— Итак, Олеся, — сказал я, наконец возвращаясь за свой стол и принимая деловой вид, — теперь, когда все на своих местах, давайте приступим к обсуждению нашей манги.

— Д-да, Артур Львович. Вот... вот наработки по новым главам для рейтинга 21+, — она протянула папку дрожащими руками.

— Дай-ка их мне, пожалуйста, — я сказал мягко. — А то вдруг ты снова почувствуешь, что я нарушаю твое личное пространство, и решишь повторить свой коронный прием. А я, знаешь ли, не большой любитель, когда по моим репродуктивным органам наносят точечные удары.

Она снова залилась краской. Медленно, словно приближаясь к краю пропасти, она стала подходить, держа папку перед собой, как щит. Когда она протянула ее, чтобы поло-

жить на край стола, я мягко, но неотвратимо схватил ее за запястье. Она замерла, ее глаза впились в мою руку с неммым ужасом. Я взял папку из ее ослабевших, холодных пальцев.

— И что это вы так дрожите, Олеся? — спросил я, глядя прямо в ее расширенные зрачки. В них читалась паника. — Я же вас не съем. По крайней мере, не прямо сейчас и не в сыром виде.

— Я... я не дрожу! — попыталась она парировать, но ее предательское тело выдавало ее с головой.

— А вот врать нехорошо, — покачал я головой. — От вас так и разит страхом. Успокойтесь. Садитесь. — Я указал на стул — И давайте разберем ваши рисунки.

Она послушно, как автомат, опустилась в кресло и уставилась в свои же работы, словно надеясь, что они поглотят ее целиком.

— Итак, герои переходят в рейтинг 21+. Они оборотни, с этим все ясно. Что меняем? — я начал деловым тоном.
— М-меняем рисовку... делаем больший акцент на взаимоотношения в сложившихся парах, показываем их... их первый секс, — она выдавила это, смотря в стол.

— Олеся, а что за смущение? — я притворился искренне удивленным. — Тебе, как волчице, с детства должно быть известно и про секс, и про член, и прочие физиологические подробности. Я же спрашивал, справишься или отдать проект другому?
— Я справлюсь! — она выпрямилась, и в ее голосе прозвучали нотки профессиональной гордости,

пересилившие на мгновение страх.
 — Точно? — я прищурился. — Волки и твоей стаи, и моей, придерживаются древних традиций совершеннолетия в восемнадцать. Давай отразим этот момент в манге. — Я склонился над столом. — Ты помнишь свой первый секс?
 — Н-нет...
 — Ну, что ж, неудивительно, первый раз мало кто помнит ярко. Восемнадцать лет — эмоции через край. Этот опыт нужно передать для персонажей-девочек.
 — Е-его... у меня не было, — она прошептала так тихо, но я расслышал. Она снова спрятала лицо.

Я уставился на нее в настоящем, абсолютном шоке. Двадцать лет. Совершеннолетняя волчица. И девственница. Мозг отказывался воспринимать эту информацию.
 — Так ты значит не только от меня сбежала, что ли? — вырвалось у меня, прежде чем я успел подумать.
 — М-мне не нужны были отношения... я не хотела в восемнадцать быть заклеянной... поэтому и уехала в город...

Я отложил карандаш, который вертел в пальцах. Внутри все перевернулось. Девственница. Дикая, неопытная, свое нравная. Самая ценная и желанная добыча для любого альфы. Желание, острое и почти болезненное, с новой силой ударило меня.

— Так, ладно, без опыта. Примем к сведению, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал максимально равнодушно. — А от меня-то что сбежала? Ты же почувствовала зов. Сильнее, чем когда-либо, наверное.

— П-почувствовала... поэтому и сбежала.

Ее голос был таким тихим, таким сдавленным, что слова почти потерялись в густом воздухе кабинета. *
 Могут поспорить, в этот момент она готова была провалиться сквозь землю вместе со своим стулом,* — с едкой усмешкой подумал я. *
 Ее смущение было осязаемым, как будто в комнате включили отопление. Она сидела, сгорбившись, стараясь казаться меньше, и все ее существо кричало о желании исчезнуть.*

Я медленно поднялся с кресла. Это было плавное, контролируемое движение, но для нее оно стало сигналом к бегству. Она буквально подпрыгнула на месте, как кузнечик, готовая со всех ног ринуться к заветной двери, забыв обо всем на свете. Инстинкт самосохранения у нее был развит превосходно.

— Олеся, — мой голос прозвучал резко, как удар хлыста, останавливая ее на месте. — Ну ты же понимаешь, что работаешь в нашей компании. И у тебя контракт на пять лет. — Я сделал паузу, давая ей осознать вес моих слов. — Разрыв контракта равен многомиллиардной неустойке. Ты представляешь себе эти нули?

Ее лицо побелело. Страх перед финансовой катастрофой, казалось, на мгновение пересилил даже животный ужас передо мной. *
 — П-представляю,* — прошептала она, и в ее глазах читалась полная капитуляция.

— Глупостей не твори. Договорились? — спросил я, смяг-

чая тон, но не теряя твердости.
 — Д-договорились... — она проглотила комок в горле. — А вы... пожалуйста... не клеймите меня и не прикасайтесь...

В ее голосе звучала такая искренняя, детская мольба, что во мне на мгновение шевельнулось что-то похожее на жалость. Но лишь на мгновение.

 — Это почему же? — я мягко, почти насмешливо парировал. — Законы природы, Олеся, сильнее нас. И сильнее твоих страхов. Рано или поздно не я, так твоя же собственная природа заставит тебя прибежать ко мне. Зов волчицы не спрашивает разрешения и не признает слова «нет».

— Я-я что-нибудь придумаю! — выпалила она, и в этой фразе снова прорвался тот самый дух сопротивления, который и сводил меня с ума. Хрупкая, но несгибаемая.

— Олеся, посмотри на меня.

Она не шевельнулась, уставившись в узор на ковре. Ее неподчинение было молчаливым, но упрямым. Тогда я, не спеша, протянул руку. Мои пальцы коснулись ее подбородка. Она вздрогнула, как от удара током. Я приподнял ее лицо, заставив встретиться со мной взглядом.

И вот они, ее глаза. Бездонные голубые озера, в которых сейчас бушевала настоящая буря. В них плескался жгучий стыд, смущение, доводящее до слез, первобытный страх и... горькое, безрадостное понимание неизбежности. Она видела в моем взгляде свою судьбу и это пугало ее до потери пульса.

— Я не насильник. Поняла? — сказал я четко, отчекани-

вая каждое слово, вкладывая в них всю свою волю, чтобы она поверила.
 — Д-да... — ее губы едва шевельнулись, и она кивнула, почти незаметно.

— Если ты сама не захочешь, я не трону тебя. Усвоила?
 — Д-да... — в ее глазах мелькнула слабая, робкая надежда.

— Но тебе не убежать. Даже не пытайся. Поняла? — мой голос снова стал твердым, как гранит.
 — Д-да...

— Пусть все идет своим чередом. Услышала? — я наклонился чуть ближе, и тень от моего тела упала на нее. — Попробуешь скрыться, убежать — пощады не будет. Найду. И посажу на цепь. — Я выдержал драматическую паузу. — А ты уж думай, в прямом смысле или переносном я имею ввиду. Уяснила?

Она замерла, ее глаза стали еще шире. Казалось, она перестала дышать.
 — Д-да, Артур Львович...

— Просто Артур. Повтори, — потребовал я, желая стереть эту формальность, эту дистанцию, которую она так отчаянно пыталась сохранить.

— А-артур... — мое имя на ее устах прозвучало как выдох, как клятва, вырванная под давлением. Но для моего волка и этого было достаточно.

— Вот так-то лучше, — я отпустил ее подбородок, и она тут же опустила голову, словно пружина. — А теперь вернемся к обсуждению. — Я сел обратно, принимая деловой вид, давая ей и себе передышку. — Олеся, в первой гла-

ве нужно добавить секс. Откровенный, максимально выдержанный в рейтинге 21+, но при этом нужна подводка, ситуация, которая бы естественно к нему подвела. Понимаешь? — я чуть улыбнулся. — Как вот, например, та история в клубе с нами...

Она снова вспыхнула, словно маяк, и кивнула, уставившись в свои колени. Ее уши были ярко-красными.
— Какие есть идеи? — спросил я, разглядывая ее.

— М-можно придумать... так же, как у нас в кланах... ритуал, сватовство... — она выдавила из себя.

— Можно, — согласился я. — Но тогда этому нужно уделить перед основной сценой главы две, а то будет как с места в карьер. Это не подходит. Что еще?

— Добавить магии... — она предложила робко. — Пусть кого-то околдуют чарами... Тогда все произойдет естественно...

— Можно, — кивнул я. — Только тогда это не будет по взаимному согласию, что тоже не есть хорошо. Нам нужны здоровые отношения, а не изнасилование под действием зелий.

— Можно ввести праздник... как у людей... 14 февраля... Романтика... — она произнесла это с такой надеждой, что мне стало почти жаль ее разочаровывать.

— Уже лучше, — смягчился я. — Давай это и оставим. — Я сделал пометку. — Когда будут готовы новые рисунки... мне понадобятся эскизы, в том числе и поз, в которых самец

будет брать свою самку.

И тут с ней произошла разительная перемена. Ее взгляд, только что полный страха и стыда, внезапно затуманился. Зрачки расширились, дыхание стало сбивчивым, губы приоткрылись. А в воздух, густой и сладкой волной, ударил знакомый, дразнящий аромат ее возбуждения. Он был настолько явственным, что мой собственный зверь тут же отозвался глухим рычанием где-то внутри.

Ой, Леся, Леся... — с внутренним торжеством подумал я. — А ты, оказывается, такая пошлая девочка. Тебя заводит сама эта тема.

— Кхе-кхе, Леся, — я прервал ее грезы, стараясь скрыть, как мое собственное тело откликнулось на ее запах. — Не пускай тут своих феромонов. Мне еще работать целый день, а тут твое возбуждение в воздухе летает, сбивая с толку.

Эффект был мгновенным и потрясающим. Она залилась таким густым румянцем, что, казалось, вот-вот задымится. Она инстинктивно сжала бедра, пытаясь скрыть свою физиологическую реакцию, и выглядела при этом до смешного растерянной.

— П-простите... Я не специально... — она прошептала, и это было так невинно и так откровенно одновременно.

Я не смог сдержать усмешку.
— Возбуждают такие темы? — спросил я прямо, наслаждаясь ее смущением.

В ответ она просто закрыла лицо руками, издав тихий стон. Ее уши горели.

— Это мы еще не начали обсуждать вены на членах, которые тебе предстоит нарисовать, — не удержался я от колкости.

Ее смущение достигло своего апогея. Она вся сжалась в комок, пытаясь стать невидимой.

— Леся, — сказал я, делая вид, что задумался. — Ты уверена, что не хочешь свернуть с этой дорожки и взять проект более... детский? Может, что-то про маленьких пони?

— Н-нет! — прозвучало из-за ее ладоней, глухо, но с неожиданной твердостью. Профессионализм взял верх над стыдом.

— Ну, хорошо, — я сдался с показным вздохом. — Тогда завтра жду от тебя эскизы поз для секса и примерные параметры героев. Будем утверждать член, грудь и прочие анатомические подробности. — Я откинулся на спинку кресла. — Можешь идти.

Она медленно опустила руки. На ее лице застыло недоверчивое выражение.
— П-правда? Вы... отпускаете меня?

— Конечно, — я развел руками, изображая легкое недоумение. — Я что, похож на зверя? Ты мой работник. Ну, так и иди, работай. Завтра в девять жду.

Она не заставила себя ждать. Сорвавшись с места, она бросилась к двери, нащупала замок и выскользнула из кабинета так быстро, что казалось, ее и не было.

Дверь закрылась. И я остался один. Тишина кабинета оглушила после ее бурного присутствия. Я откинул голову

на спинку кресла и закрыл глаза. В ушах бешено колотился пульс, кровь гудела в висках, а все тело было напряжено, как струна. *Хорошо, что я сидел за столом... Хорошо, что она не увидела, насколько я на пределе.*

Да, сила пары не знала границ. Тот сладкий, пьянящий аромат ее возбуждения, что витал в воздухе, был для моего волка не просто сигналом. Это был оглушительный призыв, боевой клич, от которого тряслось все мое существо. Сдерживать инстинкт было все равно что пытаться удержать плотину, которая вот-вот рухнет.

Но за долгие годы я научился владеть собой. Я вбил в своего зверя железную дисциплину. И сейчас, в этот момент, эта выдержка была моим главным козырем. Я не просто альфа, жаждущий свою самку. Я стратег. И охота, самая увлекательная охота в моей жизни, только началась. И я намеревался насладиться ею сполна.

Глава 5. Начало войны

Дверь захлопнулась за мной с таким глухим стуком, будто навсегда отсекла меня от ада. Я прислонилась к холодной стене коридора, дрожащей ладонью прижавшись к груди, где сердце колотилось, словно загнанная птица о клетку. *Жива. Я жива. Он меня отпустил.*

Но это знание не принесло облегчения. Тело отказывалось слушаться, колени подкашивались, а в висках отдавался оглушительный стук собственной крови. Я сделала несколько судорожных глотков воздуха, но он не наполнял легкие, оставаясь тяжелым и густым, все еще пропитанным *его* запахом — дорогим парфюмом, древесиной и чем-то диким, звериным, что навсегда врезалось в мою память.

Вся эта встреча, весь разговор о манге — лишь ширма, изощренная игра кошки с мышкой. А я, глупая, наивная мышка, пыталась обсуждать с ним сюжетные перипетии, пока он смотрел на меня своими пронзительными зелеными глазами, видя насквозь, читая каждый мой страх, каждую дрожь.

Я сжала кулаки, чувствуя, как по щекам разливается жар от воспоминаний. Его прикосновение к моему подбородку. Твердые, уверенные пальцы, заставившие меня подчиниться, поднять взгляд. Типичный Альфа, будь ты не ладен. А потом его слова... Такие спокойные и такие безжалостные.

«Посажу на цепь. В прямом или переносном смысле». Угроза висела в воздухе, осязаемая, как стальное лезвие. Я провела рукой по горлу уже ощущая, как ошейник давит.

И самое ужасное, самое постыдное — моя собственная предательская реакция. Когда он заговорил о позах, о том, как самец берет свою самку... Я на секунду потеряла бдительность и начала представлять. Волна жара, неконтролируемая, постыдная, охватила все мое тело. А этот проклятый запах возбуждения, который он так легко учуял!
 «Не пускай феромоны», — сказал он с той же легкостью, с какой сделал бы замечание о неправильно подобранном оттенке. Унижение сдавило горло горьким комом. Я чувствовала себя абсолютно обнаженной, раздетой догола не только физически, но и эмоционально.

Он смеялся надо мной. Подтрунивал над моим смущением, задавая этот дурацкий вопрос: «Возбуждают такие темы?» Боже, да я готова была провалиться сквозь все этажи этого роскошного здания прямо в преисподнюю. А потом... «вены на члене». От одной этой фразы, произнесенной его низким, насмешливым голосом, по телу снова пробежали противные, предательские мурашки. Я ненавидела себя за эту слабость. Ненавидела его — за власть, за уверенность, за то, что он смотрел на меня, как на свою законную добычу, которую просто пока оставил в живых. Что б веселее было ему загонять меня..

И этот контракт. Многомиллиардная неустойка. Он на-

мертво приковал меня к нему. Бежать означало разориться и, скорее всего, быть найденной все равно. Остаться... остаться означало добровольно зайти в клетку к голодному хищнику.

Собрав остатки воли, я оттолкнулась от стены и, почти не помня себя, побрела к лифту. Мне нужно было выбраться отсюда. Нужно было добраться до дома, до своей квартиры, где пахло моими красками, кофе и одиночеством, которое еще вчера казалось таким горьким, а сегодня представлялось единственным спасением.

В такси я уткнулась лбом в холодное стекло, пытаясь заглушить какофонию мыслей. *«Просто Артур. Повтори»*. И я повторила. Проклятое имя вырвалось у меня из горла, словно у раба, признающего своего господина. Эта маленькая победа, которую он с таким удовольствием у меня вырвал, горела во мне чувством стыда. И предательская волчица во мне уже прыгала на задних лапках! Боже! Ни стыда, ни совести у второго моего Я.

Дома я захлопнула дверь на все замки, прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол. Тишина квартиры оглушала после того ада, что творился в моей голове. Но даже здесь, в безопасности, я не могла избавиться от него. Его образ стоял перед глазами: насмешливый взгляд зеленых глаз, уверенная улыбка, широкие плечи и его запах.

А потом мой взгляд упал на графический планшет и разбросанные эскизы. Новые главы. Рейтинг 21+. Эскизы поз.

Параметры... члена. Боже, ну вот на кой ему параметры члена! Что б меня вывести из равновесия или сравнить со своим хочет?!

«Завтра в девять жду».

Рывком я поднялась с пола, сжав голову руками. Нет. НЕТ. Я не позволю ему сломать меня. Я не какая-то безвольная самка, которую можно запугать и приручить. Я — Леся. Я сбежала от своей семьи, чтобы быть свободной. Я построила свою жизнь сама. И я не позволю какому-то «Альфе» ее разрушить.

Да, он мой начальник. Да, у нас контракт. Но это — работа. А все остальное... Все, что происходит между нами как между волками, — это война. И я не намерена сдаваться.

Я подошла к планшету, с силой нажала кнопку включения. Экран загорелся, освещая мое решительное, еще заплаканное лицо.

Хорошо, Артур Львович. Хорошо, *Артур*. Вы хотите эскизы поз? Вы хотите, чтобы я рисовала страсть? Вы думаете, что моя неопытность и смущение дают вам преимущество?

Что ж, посмотрим. Я — художница. Я могу создать любую страсть на свете, любую позу, любое тело. Я могу нарисовать такой огонь, от которого вы сами сгорите. Вы хотите играть в кошки-мышки? Что ж, я научусь быть не мышкой, а ежом. Колючим, неуловимым и опасным.

Я провела пальцем по холодному экрану. Завтра в девять. Я приду. Я буду говорить о членах и клиторах, о позах и стра-

сти. Я буду профессиональна и холодна, как лед.

И если уж судьба и природа решили свести наши пути, то я сделаю все, чтобы это была не охота, а война равных. А лучше..Лучше я сделаю так ,что вы, Артур, будете сами не рады, что встретили меня!

И посмотрим еще, кто кого в этой войне приручит.

Глава 6. Упс

Она вошла. Вся — один сплошной сжатый нерв. От нее так и веяло страхом, перебивающим даже ее естественный, пьянящий аромат. Она держала синюю папку, как щит.

— Доброе утро, Артур Львович, — ее голосок прозвучал тонко и неестественно.

— Просто Арстур, Леся, — кивнул я, с наслаждением растягивая паузу. Мне нравилось наблюдать, как она напрягается. — Пунктуальность — это прекрасно. Присаживайся.

Она, как марионетка, опустилась на край стула, положила папку на колени и уставилась на меня широко раскрытыми глазами, полными немого ужаса. *
 Интересно, чего она так боится? Неужели думает, что я наброшусь прямо здесь?*

— Ну что, принесла то, о чем договаривались? — спросил я, протягивая руку.

Она молча, почти рывком, протянула мне папку. Щелчок замка прозвучал в тишине кабинета, как выстрел.

Я открыл папку. Первый же лист заставил меня замереть. Это был... я. Нет, конечно, не я в буквальном смысле. Персонаж манги. Но черты... черты я уловил. Те же глаза, тот же наклон головы, та же прическа. А волчица, которую он прижимал к стене... Белые волосы. Хрупкое телосложение. *Она.*

Внутри что-то ёкнуло — мощно и примитивно. Мой зверь

зарычал от одобрения. Она рисовала *нас*. Ее волчье подсолнечие выдало ее с головой.

Я медленно перелистывал страницу за страницей. Каждый эскиз был шедевром страсти и скрытого напряжения. Но мое внимание приковал один — самый откровенный, самый мощный. И на нем, в углу, ее аккуратным почерком было выведено всего одно слово:

«Артур».

Не «альфа», не «персонаж». Просто «Артур». Словно она подписывала личную фотографию. Словно это было ее сокровенной фантазией, которую она зачем-то материализовала на бумаге и... принесла мне. Я улыбнулся.

Поднял на нее взгляд. Она сидела, вжавшись в спинку стула, и смотрела на меня с выражением человека, которого вот-вот казнят. Ее щеки пылали таким румянцем, что он был виден даже в полумраке кабинета. Она дышала часто и поверхностно.

Я откинулся в кресле, положив папку на стол, и уставился на нее с нескрываемым интересом.

— Леся... — начал я мягко, и она вздрогнула. — Эскизы... более чем убедительны. Видно, что работала с душой.

Она молча проглотила комок в горле.

— Но вот что меня заинтересовало... — я медленно провел пальцем по злополучной подписи. — Ты подписываешь всех своих персонажей именами сотрудников издательства? Или это... эксклюзив только для меня?

Она издала странный звук, нечто среднее между писком и стоном, и закрыла лицо руками.

— Я... я не... это случайно... — ее голос был глухим и отчаянным.

— Случайно? — я поднял бровь, наслаждаясь ее смущением. — Случайно наделил его моими чертами? И случайно подписал моим именем? — Я покачал головой с напускным сожалением.
— Леся, Леся... А я-то думал, ты просто талантливая художница. А ты, оказывается, еще и пошлая фантазерка.

— Перестаньте... — прошептала она из-за ладоней.

— Я? Я ничего не делаю, — я развел руками. — Это ты принесла мне свои... фантазии. Довольно откровенные, должен заметить. — Я снова посмотрел на эскиз. — Особенно эта поза... «Покорение», да? Очень выразительно. Видно, что продумано до мелочей. Чувствуется... личная заинтересованность.

Она не отвечала, просто сидела, сжавшись в комок, и, казалось, вот-вот расплчется от унижения. Ее запах страха и стыда был густым и сладким, как мед. Мой зверь требовал действий, но я сдерживал его. Это было слишком ценно.

— Знаешь, что я думаю? — сказал я, понизив голос до интимного, доверительного шепота. — Я думаю, ты всю ночь просидела над этими рисунками не только потому, что ты профессионал. Я думаю, ты пыталась... проиграть эту ситуацию. На бумаге. Понять, что ты чувствуешь. И твое подсо-

знание выдало тебя с головой.

Я встал и медленно обошел стол. Она замерла, как кролик перед удавом.

— Ты боишься меня, — констатировал я, останавливаясь перед ней. — Но тебя ко мне тянет. И это сводит тебя с ума. Правильно?

Она молчала, но ее учащенное дыхание и дрожь в плечах были красноречивее любых слов.

Я развернул ее стул, наклонился, оперся руками на подлокотники, запер ее в пространстве между собой и стулом.

— Так чего же ты хочешь на самом деле, маленькая волчица? — прошептал я прямо у ее уха, чувствуя, как она вздрагивает от моего дыхания. — Нарисовать это... или испытать?

Я медленно выпрямился, давая ей передышку. Ее грудь вздымалась от частого дыхания, а глаза сияли влажным блеском. Она была прекрасна в своем смущении.

— Эскизы... одобрены, — произнес я, возвращаясь за стол и снова принимая деловой вид. — Анатомия проработана превосходно. Чувствуется... глубокое понимание темы.

Она медленно опустила руки. На ее лице застыла смесь облегчения и растерянности.

— Т-так что, все? — прошептала она. — Я могу идти?

— Идти? — я сделал удивленное лицо. — Леся, мы же только начали. Ты принесла мне голые эскизы. Теперь нужно обсудить... детали.

Я взял тот самый злополучный лист с подписью.

— Вот эта поза, например. — Я повернул лист к ней. — Ты считаешь, это физиологически точно? Достаточно ли... устойчиво положение самца? Не соскользнет ли девушка в самый интересный момент?

Она снова залилась румянцем. Ее пальцы вцепились в край стула.

— Я... я изучала анатомию... — выдавила она.

— Вижу, — кивнул я, сдерживая улыбку. — Изучала очень внимательно. — Я перевел взгляд на другой эскиз. — А здесь. Выражение лица у волчицы. Это боль? Или удовольствие? По-моему, не хватает однозначности. Как думаешь?

— Э-это... смешанные чувства... — прошептала она.

— Смешанные? — я притворно задумался. — Интересно. А по-моему, здесь читается вполне отчетливое наслаждение. Может, тебе стоит добавить больше... энтузиазма? Взгляд, может быть, менее испуганный, и более... томный и заинтересованным.

Она ничего не ответила, просто смотрела на меня, как за-гипнотизированная.

— И еще момент, — я отложил эскизы и сложил руки на столе. — Сюжет. Ты предлагала День Святого Валентина. Но мне кажется, это слишком... банально. — Я посмотрел ей прямо в глаза. — А что, если за основу взять более... личную историю? Например, историю начальника и его подчиненной. Которая сначала его боится, бежит от него, а потом... — я обвел рукой ее эскизы, — начинает рисовать о

нем такие вот интересные картинки.

Она ахнула, и ее рука сама потянулась ко рту.

— Это же... непрофессионально... — еле выдохнула она.

— Непрофессионально? — я рассмеялся. — Милая, это было бы гениально! Основано на реальных событиях! Такой личный, такой... пронзительный сюжет. Фанаты с ума сойдут.

— Нет! — наконец вырвалось у нее. Она встала, ее глаза блестели уже не от смущения, а от гнева. — Я не буду этого делать!

— А почему? — я поднялся ей навстречу. — Боишься, что твои настоящие чувства станут достоянием общественности? Или боишься признаться в них самой себе?

Мы стояли друг напротив друга, разделенные лишь шириной стола. Воздух снова сгустился, но теперь в нем витал не только страх, но и ярость. Ее ярость. И это было чертовски привлекательно.

— Вы не имеете права... — начала она, но я перебил.

— Я имею право на все, что происходит в моем издательстве, — мягко, но не оставляя пространства для возражений, парировал я. — И на проекты, и на сюжеты. И на своих сотрудников.

Я обошел стол, и на этот раз она не отступила. Она стояла на своем, сжав кулаки, ее хрупкая фигура вся излучала вызов.

— Ты нарисовала это, — я указал на папку. — Ты подпи-

сала это моим именем. Ты принесла это мне. Ты сама начала эту игру, Леся. А теперь хочешь остановиться, когда правила стали тебе неудобны?

— Это не игра! — выкрикнула она.

— О, еще какая игра, — прошептал я, подходя так близко, что наши тела почти соприкоснулись. — И самая интересная часть только начинается.

Я сделал последний шаг, и между нами не осталось ни сантиметра. Она отпрянула, но стол оказался прямо за ее спиной. Ее глаза, широкие и испуганные, впились в меня.

— А теперь самая интересная часть, — прошептал я и усадил ее на стол

— Нет! — вырвалось у нее, но в ее голосе слышалась неуверенность.

— Нет? — я усмехнулся, медленно скользя взглядом от ее дрожащих губ вниз, по шее, к груди, которая вздымалась слишком часто, и ниже, к бедрам, которые она инстинктивно сжала. — А твои рисунки кричат «да». И твое тело... о, Леся, оно кричит «да» так громко, что, кажется, его слышно во всем здании.

Я наклонился чуть ближе, и ее дыхание перехватило. Она ждала прикосновения, ждала, что я возьму то, что, как она считала, принадлежит мне по праву. Но я лишь провел ладонью по воздуху в сантиметре от ее щеки, чувствуя исходящее от нее тепло.

— Ты представляешь, что было бы, если бы я сейчас дей-

ствительно тебя тронул? — прошептал я, и мой взгляд упал на ее губы. — Если бы я поцеловал тебя так, как твой нарисованный двойник целует твоего рисованного близнеца? Если бы мои руки скользнули под эту строгую юбку и сняли бы с тебя всю эту фальшивую деловую броню?

Она ахнула, и ее пальцы вцепились в край стола. По ее лицу было видно, что она буквально видит эту картину. Ее собственная фантазия, рожденная ночью за рисунками, оживала и терзала ее изнутри.

— Но я не сделаю этого, — я вдруг выпрямился и отошел на шаг назад, разрывая напряженное поле между нами.

Она замерла в полной растерянности, словно ее лишили опоры. Ее тело, готовое либо к борьбе, либо к сдаче, не знало, как реагировать на отступление.

— Почему? — сорвалось у нее, и она тут же смутилась от собственного вопроса.

Я улыбнулся, поднял с пола ее папку с эскизами и аккуратно положил на стол.

— Потому что я не насильник, Леся. — Я вернулся за свой стол и сел в кресло, снова становясь начальником, а не соблазнителем. — Когда это случится — а это случится — ты будешь готова. Ты сама придешь ко мне.

Она сидела на краю стола, все еще дрожа.

— А теперь можешь идти, — сказал я деловым тоном, открывая ноутбук. — И в следующий раз, когда будешь подписывать эскизы, будь добра, ставь нейтральные названия. А

то, знаешь ли, редакторы могут неправильно понять.

Она молча, как во сне, сползла со стола, поправила юбку и, не поднимая на меня глаз, почти выбежала из кабинета.

Я остался один. И впервые за долгое время позволил себе широкую, настоящую улыбку. Охота продолжалась, и добыча была восхитительна. Оставалось лишь немного подождать, пока ее собственное желание не заставит ее упасть в мои объятия саму.

Я смотрел на захлопнувшуюся дверь, все еще чувствуя вкус ее страха и возбуждения в воздухе. Мой зверь бушевал внутри, требуя преследования, но разум ликовал – каждый ее смущенный взгляд, каждая дрожь были доказательством моей власти над ней.

И в этот момент зазвонил мой личный телефон. На экране светилось имя: *Ольга*.

— Сестренка, — взял я трубку, стараясь, чтобы в голосе звучала обычная легкость. — Что случилось?

— Привет, Арч, — ее голос звучал тепло, но с легкой ноткой беспокойства. — Только что говорила с Димой. Он... немного взволнован.

Мое настроение мгновенно испортилось. *Опять этот болтун.*

— И о чем же он так взволнован? — спросил я, стараясь сохранять спокойствие.

— Он рассказал мне о твоей Белой Волчице, — Ольга говорила мягко, без упреков. — Артур, я знаю, что это твоя па-

ра. Но... — она сделала паузу, — Ты же не тронешь ее без ее согласия?

— Разумеется, — ответил я. — Я ничего ей не буду навязывать.

— Я верю в тебя, Альфа, — мягко сказала Ольга. — И я рада за тебя. Найти свою пару... это дар. Обращайся с этим даром бережно. И, Артур...

— Что?

— Пригласи ее на ужин. Как джентльмен. А не как альфа, преследующий свою добычу. Дай ей почувствовать себя желанной, а не загнанной.

Она попрощалась и положила трубку. Я остался один в кабинете, обдумывая ее слова. Ольга, как всегда, была права. Грубая сила здесь не сработает. С Лесей нужен был другой подход.

Более тонкий. Более изощренный.

Я посмотрел на синюю папку с ее эскизами, которую она в панике забыла на столе. Улыбка медленно вернулась на мое лицо.

У меня было ее оружие. Ее тайное признание.

Игра менялась. Из охоты она превращалась в нечто более сложное. И, возможно, более интересное.

Я тут же набрал Диму. Трубка была поднята почти мгновенно.

— Арч, слушай, я знаю... — начал он виноватым тоном, но я его перебил, едва сдерживая ярость. Зверь внутри рвался

наружу, требуя расправы над предателем.

— Ты вообще в своем уме, Дим?! — прошипел я, сжимая телефон так, что треснул корпус. — Я тебе одну-единственную вещь сказал! Никому! И тем более Ольге! Ты что, совсем берега перестал видеть?!

На той стороне повисла тяжелая пауза.

— Арч... — Дим вздохнул. — Понимаешь... я не мог. Она же... моя пара. Я пришел домой, а она посмотрела на меня, и... и учуяла сплетню. Ты же сам знаешь, как это бывает. От своей пары ничего не скроешь, особенно если она чем-то взволнована.

Его слова остудили мой гнев, как ведро ледяной воды. Да. Черт возьми. Он был прав. Ольга и Дим... их связь была невероятно сильной. Она всегда чувствовала, когда он что-то скрывает. Особенно что-то, связанное с семьей.

— Она просто подошла, посмотрела на меня своими зелёными глазами и спросила: «Что за сплетню ты скрываешь» — продолжал Дим с тоской в голосе. — И я... я сдался, Арч. Слово язык развязался. Она вытянула из меня все, как будто я был открытой книгой.

Я закрыл глаза, с силой потеряв переносицу. Я не мог его винить. Не по-настоящему. Сила пары... она сильнее любых обещаний, данных другу. Я сам сейчас испытывал нечто подобное, только моя «книга» убегала от меня

— Черт, — выдохнул я, и вся злость из меня ушла, сменившись пониманием и досадой. — Ладно. Понимаю.

— Прости, Альфа, — искренне сказал Дим. — Она пообещала быть деликатной. Сказала, что просто хочет убедиться, что ты не натворишь глупостей.

— Она уже убедилась, — пробормотал я, глядя на дверь. — И дала свои мудрые советы.

— И... как твоя белая волчица? — осмелился спросить Дим, и в его голосе послышалось неподдельное любопытство.

На мгновение я снова увидел ее — испуганную, дрожащую, сидящую на моем столе, с папкой на коленях и глазами, полными хаоса.

— Непокорная, — ответил я, и в моем голосе прозвучала не злость, а нечто вроде уважения. — И чертовски талантливая.

Я повесил трубку и снова остался один в тишине кабинета. Ситуация осложнилась. Теперь Ольга, с ее мудростью и деликатностью, была в курсе. И ее совет висел в воздухе: «Пригласи ее на ужин. Как джентльмен».

Я посмотрел на папку с эскизами. Ее скрытое признание. Ее страх и ее желание, запечатленные на бумаге.

Охота была окончена. Пора было начинать следующий этап. Ухаживание.

Вечер. Я сидел в кресле с бокалом виски, глядя на закат за окном пентхауса. Образ Леси — испуганной, смущенной, но не сломленной — не выходил у меня из головы. Совет Ольги вертелся в мозгах. *"Пригласи ее на ужин. Как джентльмен."*

Но пригласить ее на ужин один на один... она бы убежала, как ошпаренная. Нужен был предлог. Идеальный, рабочий, не вызывающий подозрений предлог. Я набрал ее номер. Сердце, черт побери, билось чуть быстрее. Как будто я мальчишка, а не альфа, ворочающий миллионами.

Трубку подняли после третьего гудка.
 — Алло? — ее голос прозвучал настороженно.

— Леся, добрый вечер, это Артур, — сказал я максимально нейтрально, деловым тоном.
 На той стороне повисла короткая, но красноречивая пауза. Я почти физически ощутил, как она напряглась.

— Д-добрый вечер, Артур.

— Прости, что беспокою вечером. Есть один рабочий момент, который нужно обсудить. — Я сделал небольшую паузу, давая ей настроиться на деловой лад. — В следующую пятницу у нас запланирован корпоратив. Для ведущих специалистов медиа холдинга "АиЛ". Твоя явка, — я сделал еще одну паузу для весомости, — обязательна.

— Я... корпоратив? — в ее голосе послышалась легкая растерянность. Видимо, она ожидала чего угодно, но не этого.

— Именно так, — подтвердил я. — Это важно для командного духа. Да и тебе, как одному из наших самых перспективных авторов, нужно пообщаться с коллегами в неформальной обстановке. Обменяться опытом.

Я почти слышал, как в ее голове крутятся мысли. "Это

ловушка? Или правда просто работа?"

— Я... поняла, — наконец сказала она, все еще с ноткой неуверенности. — А где он будет проходить?

— В "Гранд Отеле". Банкетный зал "Империял". Начало в семь. Дресс-код — вечерний. — Я произнес это легко, как нечто само собой разумеющееся. "Гранд Отель" был одним из самых роскошных мест в городе. Это был мой следующий ход — показать ей мир, к которому она очень скоро будет принадлежать, хоть и не осознавала этого сейчас .

— "Гранд Отель"? — она прошептала, и в ее голосе слышался неподдельный трепет. Девушка из провинции, борющаяся за выживание в большом городе, явно не часто бывала в таких местах.

— Да, — я позволил себе легкую, ободряющую улыбку, хотя она и не могла ее видеть. — Не опаздывай. И, Леся... — я снова понизил голос, добавляя каплю личного. — Ты там никого не знаешь. Будешь чувствовать себя неловко. Так что считай, что твоя обязанность как сотрудника — составить компанию своему начальнику. Чтобы мне тоже не было скучно.

Я отхлебнул виски, предвкушая пятницу. Она придет. Страх и профессиональный долг заставят ее прийти. Но этого было мало. Мне нужно было уже сейчас начать стирать границы, сделать наше «совместное посещение» корпоратива чем-то само собой разумеющимся.

— И, Леся, — сказал я, прежде чем она успела повесить

трубку, снова возвращая ее из недолгой паузы. — Учитывая, что ты новичок в таких мероприятиях и не знаешь расположения... я заеду за тобой в пятницу в 18:30. Будь готова.

На той стороне повисла абсолютная, оглушительная тишина. Я представил, как у нее широко раскрылись глаза, а пальцы сжали телефон так, что побелели костяшки. Она пыталась найти возражение, отмазку, любой предлог.

— Э-это не обязательно... — наконец прошептала она. — Я могу... сама на такси...

— Это обязательно, — мягко, но не оставляя пространства для возражений, парировал я. — Я твой начальник. И я не могу допустить, чтобы моя ведущая мангака плутала в незнакомом месте или опаздывала. К тому же, — я позволил голосу стать чуть теплее, почти заговорщицким, — у нас будет время по дороге обсудить тот самый проект и эскизы

Я намеренно сделал паузу, дав ей вспомнить все «прелести» нашего последнего рабочего обсуждения.

— В 18:30, Леся.

На этот раз я положил трубку окончательно. Звонок был окончен. Теперь у нее не было выбора. Никаких такси, никаких побегов. В пятницу в 18:30 я буду у ее двери. Она будет ждать. Одета в вечернее платье, нервная, напуганная и... черт возьми, невероятно желанная.

Я допил виски, поставив бокал на стол. Обычный рабочий звонок? Нет. Это была первая нота в симфонии ухаживания, и я только что сыграл вступление, взяв над ней полный кон-

троль уже на старте. Пусть попробует не открыть мне дверь.

Глава 7. За день до корпоратива

Я снова сидела перед своим планшетом. Но на этот раз это была не бессонная ночь, наполненная яростью и смущением, а холодное, расчетливое рабочее утро. После того уни- зительного звонка, после его властного «заеду за тобой», я чувствовала себя загнанной в угол. И у загнанного зверя два выхода: сдаться или напасть.

Я выбрала нападение.

Мои эскизы обрели текст. Диалоги. И это было мое ору- жие. Если он думал, что может смутить меня разговорами о позах и анатомии, то он жестоко ошибался. Я была художни- цей и писательницей. Я могла создать любой диалог, любую эмоцию. И сейчас я вкладывала в уста волчицы-героини все, что сама боялась сказать ему в лицо.

На первом эскизе, том самом «Покорении», я вписала ре- плики:

ОНА (с вызовом, глядя ему прямо в глаза): *«Ты ду- маешь, это делает тебя сильным? Взять то, что не пред- лагали?»*

ОН (с усмешкой, прижимая ее к стене): *«А ты разве не для этого здесь? Ждешь, когда сильный возьмет то, что слабый только рисует в своих фантазиях?»*

ОНА (резко, отталкивая его): *«Мои фантазии сильнее твоей грубой силы. В них я всегда на вершине.»*

Я выписывала каждую букву с холодной яростью. Пусть читает. Пусть знает, что я не та испуганная девчонка, которой можно диктовать условия.

На втором эскизе, «На волчьей шкуре», диалог был иным — более тонким, психологическим.

ОН (проводя пальцем по ее щеке): *«Ты дрожишь. От страха? Или от желания?»*

ОНА (не отводя взгляда): *«От предвкушения. Предвкушения того, как ты будешь ползать у моих ног, когда поймешь, что не можешь меня сломать.»*

Третий эскиз, «Танец волчицы», был самым откровенным вызовом. Здесь она диктовала условия.

ОНА (сидя на нем, наклонясь к его уху): *«Ты говорил о цепях. Но посмотри, кто сейчас на привязи. Твое тело мое. Твое дыхание мое. Твоя воля... тоже скоро будет моей.»*

Я не просто рисовала мангу. Я создавала манифест. Историю о том, как внешне покорная самка на самом деле ведет свою тонкую игру, подчиняя себе того, кто считает себя хозяином положения. Он же хотел реальной истории! Так вот она!

Работая, я почти физически чувствовала его реакцию. Он откроет папку, увидит эти диалоги, и его нагловатая ухмылка медленно сползет с лица. Он поймет, что имеет дело не с испуганной добычей, а с равным соперником. Соперником, который бьет его его же оружием — словами, образами, психологией.

Я закончила, распечатала новые версии и положила их в папку. Теперь это была не папка с эскизами. Это была декларация войны.

Глава 8. Когда добыча обнажает клыки

Она вошла в кабинет в тот же день после обеда. Тот же строгий деловой костюм, тот же опущенный взгляд, но в ее позе читалась уже не паника, а собранность. Она молча положила папку на мой стол.

— Доработанные эскизы, — произнесла она ровным голосом, в котором не было и тени вчерашней дрожи. — С текстом.

Я кивнул и она развернулась, чтобы уйти. Но я остановил ее.

— Подожди, Леся. Я просмотрю сейчас.

Она замерла у двери, не поворачиваясь, всем видом показывая, что хочет сбежать. Но это было уже не то животное бегство. Это было стратегическое отступление.

Я открыл папку. Первый же лист ударил меня, как пощечина. Тот самый эскиз, подписанный моим именем. Но теперь он был дополнен диалогами. И ее слова... ее слова были лезвиями.

«Ты думаешь, это делает тебя сильным? Взять то, что не предлагали?»

Мои пальцы непроизвольно сжали бумагу. Я поднял на нее взгляд. Она стояла, глядя в стену, но я видел напряжен-

ную линию ее спины.

— Смелый диалог, — прокомментировал я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально.

— Это соответствует характеру героини, — парировала она, не глядя на меня. — Она гордая.

Я перелистнул страницу. Следующий диалог заставил моего внутреннего зверя зарычать от изумления и ярости.

«От предвкушения. Предвкушения того, как ты будешь ползать у моих ног, когда поймешь, что не можешь меня сломать.»

Воздух в кабинете сгустился. Я откинулся в кресле, изучая ее. Так вот как она решила вести войну. Не через побег, а через искусство. Через слова, вложенные в уста нарисованной ею самой волчицы.

— Любопытное развитие сюжета, — сказал я, перелистывая на последний, самый откровенный эскиз. И прочитал вслух, медленно, внятно, вгрызаясь в каждое слово: — *«Ты говорил о цепях. Но посмотри, кто сейчас на привязи. Твое тело мое. Твое дыхание мое. Твоя воля... тоже скоро будет моей.»*

Я замолчал, давая словам повиснуть в тишине. Она наконец повернулась. Ее щеки горели румянцем, но взгляд был твердым. Она смотрела на меня, бросая вызов. В ее глазах я видел не только страх, но и огонь. Тот самый огонь, что горел в ее героине.

— Это... твоё видение развития отношений между персо-

нажами? — спросил я, откладывая папку.

— Это видение того, как сила воли может перевернуть любые условности, — ответила она, и ее голос впервые не дрогнул. — Даже те, что диктуются инстинктами.

Мы смотрели друг на друга через весь кабинет. Охота была окончена. Началась дуэль. И моя дикарка, моя белая волчица, только что выхватила шпагу и сделала первый выпад. Искусный и опасный.

И тут я не выдержал.

Резко поднявшись с кресла, я с силой швырнул папку на стол. Бумаги разлетелись веером по полированной поверхности.
— Дерзко! — мой голос громыхнул, заставив ее вздрогнуть и отпрянуть к двери. — Чертовски дерзко, Леся!

Я быстрыми шагами обошел стол, и на этот раз я не остановился в двух шагах. Я приблизился вплотную, заставляя ее запрокинуть голову, чтобы встретиться с моим взглядом. От нее пахло страхом, чернилами и ее диким, пьянящим ароматом.

— Ты думала, что шутки про вены на члене были провокацией? — прошипел я, наклоняясь так близко, что наши губы почти соприкасались. Она замерла, не в силах пошевелиться. — Это было ничто. А это... — я указал на разбросанные эскизы, — это объявление войны. Ты это понимаешь?

— Я... — ее голос сорвался. Она пыталась найти опору в двери за своей спиной. — Я просто... писала диалоги...

— Не ври мне! — я ударил ладонью по двери рядом с ее

головой, и она ахнула. — Ты вложила в уста этой нарисованной девчонки все, что боишься сказать мне! Ты пытаешься отыгратья на бумаге, потому что в жизни у тебя не хватает духу!

Ее глаза наполнились слезами унижения и ярости. Она пыталась оттолкнуть меня, но я схватил ее за запястье — не больно, но достаточно твердо, чтобы она почувствовала мою силу.

— Отпустите! — выкрикнула она, пытаюсь вырваться.

— А почему? — я не отпускал, чувствуя, как бьется ее пульс. — Ты же хочешь, чтобы я был тем альфой из твоих фантазий? Так вот он я. Не нарисованный, а настоящий. И мне не нужны бумажные угрозы. Я слышу твой настоящий вызов. И я его принимаю.

Я видел, как в ее глазах бушевала буря. Она ненавидела меня в этот момент, но я также видел и другое — то самое возбуждение, которое она пыталась скрыть. Ее тело реагировало на близость, на конфликт, на сырую, животную энергию, что висела между нами.

— Вы... вы все переворачиваете! — сдавленно прошептала она. — Я... я не это имела в виду...

— А что ты имела в виду, Леся? — я наклонился и прошептал ей прямо в губы, чувствуя, как она замирает. — Что твой герой должен сделать? Сломать тебя? Или... — я отпустил ее запястье и медленно провел пальцем по ее раскаленной щеке, заставляя ее содрогнуться, — или он должен со-

рвать с тебя всю эту броню и показать, что под ней скрывается не воин, а женщина, которая хочет, чтобы ее взяли так же властно, как на этих картинках?

Она отшатнулась от меня, как от ожога, ее грудь вздымалась. Она была в полном смятении. Ее гениальный план обернулся против нее. Вместо того чтобы поставить меня на место, она лишь сильнее приковала к себе мое внимание и разожгла во мне не просто желание, а нечто большее — охотничий азарт, смешанный с неумным любопытством.

— Хватит... — выдохнула она, но в ее голосе не было сил.

— Хорошо, — я отступил на шаг, давая ей передохнуть.
— В пятницу, Леся. В 18:30. Будь готова. Потому что на этот раз мы будем обсуждать твои дерзкие диалоги не здесь. Мы будем обсуждать их в свете хрустальных люстр, под звуки музыки. И посмотрим, хватит ли у тебя духу смотреть на меня так же смело, как твоя нарисованная волчица смотрит на своего альфу.

Я повернулся спиной, давая ей возможность уйти. Она выскользнула за дверь, и я услышал ее торопливые шаги в коридоре. Обернувшись к пустому кабинету, я провел рукой по лицу. Черт возьми.
 Дверь захлопнулась, оставив меня в гробовой тишине кабинета. Эхо нашего противостояния все еще висело в воздухе. Я провел рукой по лицу, пытаюсь унять дрожь в пальцах.

Что, черт возьми, я наделал?

Я привык к страху. Привык к подбострастию. Привык,

что мое слово — закон. Но эта... эта девчонка с глазами цвета зимнего неба вывела меня из себя за считанные секунды. Ее дерзкие рисунки, ее вызов, брошенный мне прямо в лицо через эти проклятые диалоги... Это всколыхнуло во мне не просто гнев. Это разбудило что-то дикое, примитивное, что я давно и тщательно скрывал под маской цивилизованного бизнесмена.

Я с раздражением сгреб с пола разлетевшиеся эскизы. Ее героиня смотрела на меня с вызовом, ее слова жгли бумагу. *«Твоя воля... тоже скоро будет моей.»*

И самое ужасное, что в пылу я чуть не сорвался. Чуть не стал тем самым монстром, которым она, вероятно, меня и считает. Я кричал на нее. Прижал к двери. Напугал до полу-смерти.

Именно так и поступает настоящий альфа, не так ли? — ехидный внутренний голос напомнил мне о законах стаи. Но я не просто волк. Я — Артур Львович Теневой, глава империи.

Я швырнул эскизы обратно на стол и с силой опустил себя в кресло. Черт возьми, она задела меня за живое. Вытащи-ла наружу того самого зверя, которого я так усердно пытал-ся приручить. И теперь мне было стыдно. Стыдно за свою несдержанность. Стыдно за тот животный ужас, что я увидел в ее глазах в последние секунды. Ольга была права. Грубая сила здесь не сработает. С Лесей это приведет лишь к тому, что она сломается или возненавидит меня навсегда. А я... я

не хотел ни того, ни другого.

Я смотрел на дверь, за которой она скрылась. Ее смятение было зеркалом моего собственного. Она не понимала, как так вышло, что ее план обернулся против нее. А я не понимал, как так вышло, что я, всегда державший все под контролем, позволил ей вывести себя из равновесия.

Она была не просто добычей. Она была... загадкой. Опасной и невероятно притягательной.

Я глубоко вздохнул, пытаясь унять бурю внутри. Пятница. Ужин. Мне нужно было все обдумать. Переиграть стратегию. Если я хочу завоевать ее, а не сломать, мне придется снова надеть маску джентльмена. Самого обаятельного, самого терпеливого и самого опасного хищника из всех, потому что на этот раз он будет знать слабость своей добычи.

И ее слабостью, как ни парадоксально, была ее сила. Ее гордость. Ее дерзость. И мне предстояло найти способ обратить это все себе на пользу не растеряв при этом последние крупинцы ее доверия.

Глава 9. Принятие

Я бежала по коридору, не разбирая пути, пока не врезалась в стену у лифта. Прижавшись лбом к прохладному бетону, я пыталась отдышаться, но воздух словно застрял где-то в горле, обжигая грудь.

Что я наделала?

Я хотела его задеть. Хотела, чтобы он понял, что я не безмолвная овечка. Но я не ожидала... не ожидала такого взрыва. Такой ярости. Он не просто рассердился. Он... *взорвался*. Искры в его глазах, громовой голос, удар ладони о дверь... От одного воспоминания по спине побежали мурашки.

И самое ужасное — я чувствовала себя виноватой.

Да, виноватой! Как будто я спровоцировала дикого зверя, тыча в него палкой, а потом испугалась, когда он оскалился. Но разве он не сам начал эту игру? Разве не он дразнил меня, шутил про вены и феромоны?

Когда он схватил меня за запястье... это было не больно. Это было... властно.

Я зажмурилась, пытаюсь выкинуть из головы его лицо, склонившееся так близко. Его дыхание на моих губах. Его слова: *«...женщина, которая хочет, чтобы ее взяли так же властно, как на этих картинках»*.

От этих слов по телу разлился жар, и я снова почувствовала то самое предательское возбуждение, которое выдавало

меня с головой. Я ненавидела себя за эту слабость. Ненавидела его — за то, что он видел ее. Лифт приехал. Я влетела внутрь и, наконец, прислонившись к стене, позволила себе дрожать. Он испугал меня. Но не как начальник — как мужчина. Как альфа.

Теперь пятница... корпоратив... его машина в 18:30... Все это казалось уже не просто неприятной обязанностью, а чем-то вроде ловушки, в которую он меня загнал. Он принял мой вызов. И теперь я должна была либо сдаться, либо идти до конца. А идти до конца... я боялась. Потому что в глубине души я понимала — в этой игре на выживание я уже проигрываю.

Я влетела в квартиру, захлопнула дверь и рухнула на диван, как подкошенная. Сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть из груди. В ушах стоял оглушительный грохот — отзвук его голоса, удара ладони о дверь, бешеного стука собственной крови.

Он теперь зол на меня.

Эта мысль висела в воздухе, тяжелая и удушающая. До этого, несмотря на все его угрозы и насмешки, сквозь них проглядывала какая-то... странная снисходительность. Он давал мне пространство, играл со мной, как кот с мышкой, но не сжимал когти до конца. А сейчас... сейчас я сама сорвала с него эту маску. Мои дерзкие рисунки, мои слова, брошенные ему в лицо через бумагу, вывели из себя того самого спрятанного зверя.

И я сама была виновата. Я, как дура, тыкала в спящего льва палкой и теперь ужасалась его рыку.

Я зарылась лицом в подушку, пытаюсь заглушить подступающие слезы. Что теперь будет? Он сказал, что примет мой вызов. Что это — объявление войны. И если раньше он хоть как-то сдерживался, притворялся джентльменом, то теперь... теперь он может быть безжалостен.

Я представила его лицо — искаженное холодной яростью, а не игривой усмешкой. Представила, как он подъезжает в пятницу. Не как начальник, везущий сотрудницу на корпоратив, а как тюремщик, забирающий свою заключенную. И самое страшное — я не смогу отказаться. Контракт, долг, его воля... да и мое собственное глупое, предательское тело, которое реагировало на его гнев той же дрожью возбуждения, что и на его насмешки.

«...женщина, которая хочет, чтобы ее взяли так же властно, как на этих картинках».

Его слова жгли изнутри. Он видел меня насквозь. Видел ту часть меня, которую я сама боялась признать. И теперь, когда он зол, он может использовать это против меня. Может сломать меня, не просто как волчицу, а как личность. Унизить, растоптать мою гордость, которую я так яростно выставляла напоказ. Я сжалась в комок на диване, чувствуя себя маленькой, глупой и невероятно одинокой. Я хотела доказать свою силу, а только сильнее приковала себя к нему. Я бросила вызов альфе, и теперь мне предстояло пожинать

плоды.

Мысли в голове неслись вихрем, каждая — острее и страшнее предыдущей. Я представила пятницу. Его машину. Молчаливую, напряженную поездку. А потом... корпоратив. Он же мой начальник. Все будут видеть, как он ко мне относится. А он... он ведь не станет больше церемониться.

При первой же возможности...

Слова сами складывались в ужасающую картину. Какой-нибудь темный угол, пустая комната для переговоров. Его руки, уже не играющие, а властные, жесткие. Он прижмет меня к стене, как на том самом эскизе, но уже без всяких диалогов и борьбы взглядов. Без уважения. Только ярость и желание доказать свою власть.

Оттрахает по полной. Как на тех картинках.

Только на картинках это выглядело страстно и... желанно. А в реальности, без моего согласия, без той искры, что была между персонажами... это будет просто насилие. Унижение. Он использует мое же тело против меня, чтобы доказать, кто здесь хозяин.

А потом...

Заклеймит.

Холодный ужас, более пронзительный, чем все предыдущие страхи, сковал меня. Метка альфы. Не просто синяк или царапина. Навсегда. На моей шее, на моей жизни. Я стану его собственностью. Официально. Окончательно. Никаких больше побегов. Никакой свободы. Никакой себя.

И все. Прощай, Леся.

Прощай, моя независимость. Моя карьера. Мои мечты о жизни, где я сама себе хозяйка. Все это растворится в его воле, в его желаниях. Я стану просто... его. Еще одной вещью в его коллекции. Самкой при альфе.

Я сжалась так сильно, что заныли мышцы. Слезы, наконец, вырвались наружу — тихие, горькие, безнадежные. Я сама подписала себе приговор. Своим дерзким характером. Своими глупыми рисунками. Своим неумением промолчать и подчиниться.

Он не просто мой начальник и не просто навязчивый поклонник. Он — моя судьба. И судьба эта, похоже, будет жестокой. И неумолимой.

Глава 10. Вечер и ответственность

Пятница. Я стоял перед зеркалом в своей гардеробной, завязывая галстук. Руки, к моему раздражению, чуть заметно дрожали. Не от волнения. От сдерживаемой энергии, что кипела во мне с того самого дня в кабинете.

Образ Леси — испуганной, но не сломленной, с глазами, полными слез и ярости — преследовал меня все эти дни. Ее слова, ее вызов... они задели меня за живое. Не как альфу. Как мужчину. Я привык к покорности, к страху, к подобострастию. А она... она посмотрела на меня как равная. Или, по крайней мере, попыталась.

И я отреагировал как примитивное животное.

«Сдерживайся», — сурово приказал я своему отражению. Зверь внутри бушевал, требуя возмездия, требовал доказать ей, кто здесь главный. Требовал взять то, что, как он чувствовал, принадлежало ему по праву.

Но я не животное. Я — Артур. И Ольга была права. Если я сорвусь сейчас, если позволю гневу и обиде руководить собой, я потеряю ее навсегда. Я могу сломать ее, подчинить, но то, что я почувствовал в том кабинете — эту искру, этот огонь... это будет уничтожено. И я получу лишь послушную, пустую оболочку.

Я глубоко вздохнул, заканчивая с галстуком. Сегодня вечером — не охота. Сегодня — дипломатическая миссия. Са-

мая сложная в моей жизни.

«Ты испугал ее, — безжалостно напомнил я себе. «Теперь тебе придется заново завоевывать ее доверие. Шаг за шагом.»

Я выбрал темно-синий костюм, который, как я знал, выгодно оттенял мои глаза. Оружие должно быть безупречным. Я не буду давить. Не буду дразнить. Я буду... обаятелен. Уверен. Внимателен. Я покажу ей мир, к которому она могла бы принадлежать. Не как добыча, а как партнер. Как королева, а не пленница.

Это будет нелегко. Каждый ее взгляд, полный страха, будет жечь меня. Каждая ее попытка отстраниться будет вызывать у меня желание прижать ее к стене и заставить посмотреть правде в глаза. Но я должен сдержаться.

Я посмотрел на часы. 18:15.

«Никакой злости, — дал я себе последнюю установку, поправляя манжеты. «Никакого давления. Только контроль. Только терпение.»

Я вышел из пентхауса, чувствуя, как мой внутренний волк рычит в протесте. Но я был его хозяином. И сегодня вечером я докажу это не только Лесе, но и самому себе. Я завоюю ее. Не силой, а умом. И это будет моей величайшей победой.

Я подъехал к ее дому ровно в 18:30. Не раньше, не позже. Пунктуальность — это демонстрация уважения и контроля. Я заглушил двигатель и смотрел на подъезд, чувствуя, как в салоне сгущается тишина, нарушаемая лишь тихим шипе-

нием климат-контроля.

И вот дверь открылась.

Она вышла. И у меня на мгновение перехватило дыхание.

Она была в белом. Снова. Длинное, струящееся платье, которое обволакивало ее хрупкую фигуру, словно сотканное из лунного света и инея. *Как невеста*, — пронеслось в голове. *Белая волчица*. Ткань искрилась при каждом ее движении, словно свежеснеженный снег под звездами. И этот разрез... аккуратный, но дерзкий, открывающий стройную линию ноги до середины бедра. Она была одновременно невинна и невероятно соблазнительна.

Она подошла к машине, ее походка была собранной, спокойной, но я видел — в глубине ее огромных голубых глаз таилась та самая, знакомая мне теперь, тень страха. Она была готова к бою. И была прекрасна в этой готовности.

Я вышел из машины, чтобы открыть ей дверь. Мои движения были плавными, лишенными резкости, которые могли бы ее спугнуть.

— Леся, — произнес я, и мой голос прозвучал ровно, тепло, без прежней насмешки или давления. — Ты выглядишь... потрясающе.

Она смутилась, молча кивнула и скользнув в салон. Ее плечи были напряжены. Я закрыл за ней дверь, чувствуя, как мой внутренний зверь бьется в клетке, оглушенный ее видом и ее близостью. Запах ее духов — холодный, цветочный — заполнил салон.

Прежде чем завести двигатель, я повернулся к ней.

— Спасибо, что согласилась составить мне компанию, — сказал я искренне. — Думаю, нам будет проще вдвоем.

Она снова кивнула, глядя прямо перед собой. Но я видел, как сжались ее пальцы на сумочке. Она ждала подвоха. Ждала, что я вернусь к нашему последнему разговору. Ждала насмешки или давления. Но она их не дожидется. Сегодня вечером я буду другим. И мне предстояло доказать это ей. И, что самое сложное, — самому себе.

Машина тронулась, плавно выезжая на вечерние улицы города. Напряжение в салоне было осязаемым. Она сидела, прижавшись к своему окну, словно стараясь занять как можно меньше места. Я видел ее отражение в стекле — застывшее, настороженное.

Мне нужно было сломать этот лёд. И начинать приходилось с себя. С того, что далось невероятно трудно — с признания своей неправоты.

— Леся, — начал я, глядя на дорогу. Голос мой прозвучал тише, лишенный привычной власти. — Мне нужно кое-что сказать.

Она медленно повернула голову, ее взгляд был полон недоверия.

— Я... хочу извиниться, — выдохнул я, и слова эти обжигали, как признание в слабости. Но это была правда. — За тот день в кабинете. Я переступил грань. Моя реакция была... недостойной.

Она не ответила, просто смотрела на меня, и в ее глазах читалось смятение.

— Твои рисунки... твои слова... — я сжал руль, вспоминая ту ярость, что поднялась во мне тогда. — Они задели меня. Сильнее, чем я готов был признать. Ты бросила мне вызов, а я... я повел себя как вспыльчивый щенок, а не как взрослый мужчина. Прости.

В салоне повисла тишина, нарушаемая лишь шумом двигателя. Я видел, как она переваривает мои слова. Видел, как ее плечи чуть расслабились, а взгляд смягчился от недоумения.

— Я... — ее голос был тихим. — Я тоже не должна была... играть на чувствах. С помощью этих рисунков. Это было... нечестно. Я хотела задеть и я достигла цели. Но я не хотела... не хотела такого взрыва.

В ее словах прозвучала горечь. И вина. Та самая, что грызла и меня.

Я рискнул на мгновение отвести взгляд от дороги и встретиться с ее глазами.
— Кажется, мы оба оказались не готовы к силе того, что происходит между нами, — сказал я мягко. — Давай начнем этот вечер заново. Без прошлых обид. Просто как... Артур и Леся.

Она медленно кивнула, и тень улыбки тронула уголки ее губ. Это было крошечное, робкое движение, но для меня оно значило больше, чем любая победа в бизнесе.

— Хорошо, — прошептала она. — Как Артур и Леся.

Лед тронулся.

Мы подъехали к "Гранд Отелю". Огни ротонды и шикарные лимузины у подъезда говорили сами за себя — мероприятие было более чем статусное. Когда я открыл ей дверь и предложил руку, Леся на мгновение заколебалась, но затем все же легонько коснулась моей руки кончиками пальцев. Ее прикосновение было прохладным и неуверенным, но это был шаг. Маленький, но важный.

Войдя в банкетный зал "Имperiал", я почувствовал, как она невольно прижалась ко мне чуть ближе. Зал сиял хрустальными люстрами, повсюду сновали нарядные гости, гул голосов заполнял пространство. Для нее, девушки, привыкшей к уединению и работе за планшетом, это зрелище должно было быть ошеломляющим.

И тут я увидел их. Дима и Ольга стояли у бара, оживленно о чем-то беседуя. Дима, как всегда, выглядел слегка беспечным, а Ольга — элегантной и собранной. Они оба работали в холдинге, хоть и в других департаментах: Дима курировал сеть развлекательных заведений, а Ольга — благотворительный фонд.

Их взгляды мгновенно нашли нас. Ольга мягко улыбнулась, а на лице Димы промелькнуло знакомое озорство. Они направились к нам.

— Братец! — Ольга обняла меня, но ее взгляд был прикован к Лесе, полный теплого, ненавязчивого любопытства. — И это, должно быть, та самая Леся? Очень приятно. Я Ольга,

сестра этого несносного человека.

Леся робко улыбнулась в ответ, пробормотав что-то вежливое.

— Да, мы уже как бы знакомы, — Дима подмигнул Лесе, и я почувствовал, как она напряглась. Я не выпустил ее руку, а лишь слегка притянул ее ближе к себе, создавая защитный барьер.

— Леся сопровождает меня сегодня, — сказал я ровным тоном, отвечая на немой вопрос в глазах сестры. — Как ведущий специалист, она должна привыкать к таким мероприятиям. И изучать, так сказать, «вражескую территорию» изнутри.

Я сделал легкий акцент на «сопровождает» и «привыкать», давая им понять, что это не просто рядовой сотрудник. Ольга поняла все с полуслова, ее взгляд стал еще более одобрительным. Дима же просто усмехнулся, поднимая бокал в нашу сторону.

— Ну что ж, отличный повод для знакомства! — весело сказал он. — Леся, не отпускай его далеко, а то он тут со всеми этими инвесторами заскучает смертельно.

Я чувствовал, как Леся постепенно расслабляется в нашем маленьком кругу. Моя рука, лежавшая на ее талии, уже не воспринималась как посягательство, а скорее как опора в этом новом, блестящем мире. Я не отпускал ее не только из-за ревности или желания владеть. Мне... нравилось чувствовать ее рядом. Нравилось быть ее щитом. И, наблюдая,

как она понемногу оттаивает, отвечая на доброжелательные вопросы Ольги, я понимал — возможно, это и есть тот самый правильный путь. Не ломать, а защищать. Не владеть, а оберегать.

И впервые за долгое время я почувствовал не просто желание, а нечто большее. Нежность. И готовность ждать столько, сколько потребуется.

Мы постояли вчетвером еще несколько минут, но я чувствовал на себе десятки взглядов. Как глава империи, я не мог весь вечер простоять в углу с семьей. Мне нужно было открыть мероприятие, произнести речь, пообщаться с ключевыми партнерами.

— Мне нужно на пару минут, — тихо сказал я, наклоняясь к Лесе так, чтобы слышали только она и Ольга. — Дела не ждут.

Я почувствовал, как ее пальцы снова судорожно сжались. Она посмотрела на меня с нескрываемой паникой. Оставить ее одну в этом море незнакомых, шикарно одетых людей — это было для нее настоящим кошмаром.

Я перевел взгляд на сестру. — Оль, — мои глаза прямо просили ее о помощи. — Не отпускай Лесю далеко, хорошо? А то, боюсь, она от нас сбежит, не попрощавшись.

Ольга понимающе улыбнулась и легонько взяла Лесю под руку. — Конечно, не беспокойся. Мы с Лесей как-нибудь тут без тебя справимся. Правда, милая?

Леся кивнула, выглядев немного потерянной, но уже не

такой испуганной. Доверить ее Ольге было единственным верным решением. Моя сестра обладала даром располагать к себе людей, ее теплота и искренность были лучшей защитой для Леси в этот вечер.

Я на мгновение задержал взгляд на Лесе, пытаюсь передать ей без слов: *«Все будет хорошо. Я вернусь»*. Затем кивнул Диме и мы направились к микрофону.

Проходя через зал, я обернулся. Ольга что-то говорила Лесе, указывая на роспись на потолке, и та, хоть и все еще напряженная, уже слушала с некоторым интересом. Камень с души упал. Я оставил ее в надежных руках. Взяв микрофон, я начал свою речь, полную стандартных благодарностей и радужных прогнозов. Но часть моего внимания была прикована к ним двоим. Я видел, как Ольга что-то рассказывает, жестикулируя, и как на лице Леси наконец-то появляется неуверенная, но настоящая улыбка.

Я закончил речь под аплодисменты и, кивнув партнерам, направился обратно в их сторону. Музыка сменилась — теперь играли медленные чувственные ритмы. Пары начали выходить на паркет.

Ольга, заметив мое приближение, мягко освободила руку Леси и сделала шаг назад, давая мне пространство. Леся стояла, глядя на танцующих, с выражением легкой тревоги...

— Ну что, — сказал я, останавливаясь перед ней. — Исполняю обещание. Не даю тебе сбежать. — Я протянул ей руку. — Позволь пригласить тебя на танец. В качестве твое-

го официального сопровождающего на этот вечер.

Она посмотрела на мою руку, потом на мое лицо. В ее глазах боролись страх и желание. Она боялась близости, боялась снова оказаться в моих объятиях после всего, что произошло. Но атмосфера вечера, музыка, общая эйфория — все это тянуло ее на паркет.

— Я... я не очень хорошо танцую, — прошептала она в оправдание.

— Ничего страшного, — я улыбнулся, стараясь выглядеть как можно более безобидным. — Я поведу. Доверься мне.

Она медленно, будто делая самый важный выбор в жизни, положила свою прохладную ладонь на мою. Электрическая искра пробежала по моей руке. Я мягко сомкнул пальцы и повел ее к танцполу. Оказавшись в центре внимания она вся застыла. Я осторожно обнял ее за талию, чувствуя, как напряглись все ее мышцы. Она едва касалась моей ладони своей второй рукой.

— Расслабься, — тихо сказал я, начав медленно двигаться в такт музыке. — Никто на нас не смотрит.

Это была ложь. На нас смотрели все. Альфа-оборотень и загадочная белая волчица в ослепительном белом платье. Сначала ее движения были скованными, робкими. Но постепенно, подчиняясь ритму и моему уверенному руководству, она начала расслабляться. Ее тело стало мягче следовать за моими импульсами. Она перестала смотреть под ноги и подняла на меня глаза.

И в этот момент что-то щелкнуло. Страх в ее взгляде растаял, уступив место чему-то глубокому, изучающему. Она видела не злого начальника или разгневанного альфу. Она видела мужчину, который осторожно держит ее в своих объятиях, стараясь не спугнуть. Мы кружились под нежные звуки саксофона, и весь мир сузился до пространства между нами. Я чувствовал тепло ее тела сквозь тонкую ткань платья, слышал ее ровное дыхание. Никаких слов. Никаких угроз. Только музыка, только танец, только мы.

Шепоток пронесся по залу, словно ветерок по полю. «*Артур Львович танцует? Где это видано?*» Обычно я ограничивался парой формальных танцев с сестрой или женой важного партнера, оставаясь в тени, наблюдая. Но сейчас я не замечал никого, кроме нее. Тихого звука ее дыхания, легкой дрожи в ее пальцах, которые теперь чуть увереннее лежали в моей руке. Я вел ее по паркету, и каждый мой шаг, каждый поворот был посланием всему залу: *Она — со мной. Она — под моей защитой. Она — важна.*

Я видел краем глаза удивленные, а где-то и завистливые взгляды своих менеджеров. Видел одобрительную, чуть лукавую улыбку Ольги и Дима, наблюдавших за нами с края танцпола. Видел, как замерли некоторые деловые партнеры, в недоумении рассматривая незнакомую девушку в объятиях обычно нелюдимого Теневого.

И знаете что? Мне было плевать.

Впервые за долгие годы я позволил себе отбросить мас-

ку расчетливого руководителя. Позволил себе сделать что-то просто потому, что *я этого хочу*. Потому что держать ее в объятиях, чувствовать, как ее страх постепенно сменяется робким доверием, было важнее любых деловых переговоров и репутации.

Она, казалось, начала осознавать внимание, которое мы привлекаем. Ее пальцы снова сжались, а взгляд метнулся по сторонам.

— Не обращай внимания, — тихо прошептал я, притягивая ее чуть ближе, создавая своим телом укрытие от любопытных глаз. — Пусть смотрят. Пусть видят, с кем я танцую.

Она снова посмотрела на меня, и в ее глазах я прочел не страх, а изумление.

Музыка затихала. Мы медленно остановились. Она все еще была в моих объятиях, ее грудь вздымалась в такт замедляющемуся дыханию. Аплодисменты, вначале редкие, а затем все более громкие, наполнили зал. Они аплодировали не моей речи. Они аплодировали *нам*.

Я не отпускал ее руку, глядя в ее широко раскрытые, потрясенные глаза.

— Видишь? — тихо сказал я. — Ничего страшного не случилось. Ты выжила.

И впервые за весь вечер она улыбнулась по-настоящему. Не робко, не из вежливости. А широко, по-настоящему, заставляя свои голубые глаза сиять, как два озера на утреннем солнце.

— Да, — прошептала она. — Кажется, выжила.

И в этот момент я понял, что проиграл. Сдался без боя. Потому что эта ее улыбка стоила больше, чем любая победа.

Мы подошли к Оле и Диме, все еще находясь под впечатлением от танца. На моей ладони будто бы до сих пор горел след от ее талии, а в ушах стоял звук ее сбивчивого дыхания. Оля смотрела на нас с теплой, понимающей улыбкой. В ее глазах читалось одобрение и легкая, сестринская насмешка. Дима, как всегда, не мог удержаться от комментария.

— Ну что, Арч, — он хитро подмигнул, — а мы и не знали, что ты такой искусный кавалер. Прямо затмил всех местных ловеласов.

Я лишь покачал головой, но не стал его одергивать. Пусть шутит. Сейчас мне было все нипочем.

Леся, казалось, все еще приходила в себя. Ее щеки пылали румянцем, но в глазах уже не было прежней паники. Вместо этого в них читалась какая-то новая, обретенная уверенность.

— Вы прекрасно танцевали, — мягко сказала Оля, обращаясь к Лесе. — Никогда не видела, чтобы мой брат так... оживлялся.

Леся смущенно опустила взгляд, но улыбка не сходила с ее губ.

— Спасибо, — прошептала она. — Это... это было неожиданно.

— В хорошем смысле, надеюсь? — встрял Дима, подливая

себе шампанского.

Леся посмотрела на меня и в ее взгляде я прочел целую гамму чувств — смятение, благодарность, и ту самую искру, которую я надеялся когда-нибудь увидеть.

— В очень хорошем, — тихо ответила она.

В этот момент я понял, что вечер прошел не зря. Все мои сомнения, моя борьба с самим собой — все это окупилось ее улыбкой и этим тихим «спасибо».

Оля что-то шепнула Диме и они тактично отошли под предлогом поговорить с кем-то из гостей, оставив нас наедине в самом центре шумного зала.

Вечер плавно перетек в банкетную часть. Мы с Лесей сидели рядом за главным столом. Она уже заметно расслабилась, пробуя десерт и украдкой наблюдая за гостями. Я чувствовал ее спокойствие, и это успокаивало меня самого. Именно в этот момент к нашему столу подошел Григорий. Матерый, седеющий в висках оборотень из клана Серых Волков, один из наших ключевых инвесторов. Человек с острым умом и еще более острым нюхом на все необычное.

— Артур, — кивнул он мне, его взгляд тут же скользнул по Лесе с профессиональным интересом. — Вечер удался. Поздравляю с успешным кварталом.

— Григорий, рад тебя видеть, — я жестом пригласил его присоединиться. — Это во многом и твоя заслуга.

Он сел напротив, но его внимание было приковано не ко мне. Он втянул носом воздух, и в его глазах мелькнуло удив-

ление, а затем понимание.

— А это что за прекрасная незнакомка, с которой ты сегодня затмил всех на паркете? — спросил он, прямо глядя на Лесю. — Не представляешь?

Леся застыла с вилкой в руке, ее щеки залились густым румянцем. Она опустила глаза, явно чувствуя себя не в своей тарелке под пристальным взглядом такого влиятельного человека.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Григорий был не просто любопытным. Он учуял в ней что-то. Редкий окрас? Силу пары? И то, и другое?

Я положил руку на спинку стула Леси, легкий, но отчетливый жест собственности и защиты.

— Григорий, познакомься. Это Олеся Снежинская, наша ведущая художница. Очень талантливая. — Я сделал акцент на ее профессии, отводя разговор от личного. — Леся, это Григорий Игнатьевич, наш партнер и инвестор.

— Очень приятно, — прошептала Леся, все еще не поднимая глаз.

Григорий изучающе смотрел на нее, а затем медленно улыбнулся. Это была не простая улыбка, а ухмылка человека, который все понял.

— Снежинская... Белая волчица, — произнес он задумчиво. — Редкость. Большая редкость в наших краях. — Его взгляд скользнул с нее на меня, и в нем читалось неподдельный интерес, смешанный с долей зависти. — Поздравляю,

Артур. Нашел не просто талант, а настоящий алмаз.

Он поднял свой бокал в нашу сторону, выпил.

Леся наконец подняла на меня глаза. В них читался и страх, и вопрос. Она поняла, что Григорий узнал в ней не просто сотрудницу.

— Ничего страшного, — тихо сказал я ей. — Он просто проникательный старый волк. Но он на нашей стороне.

Она кивнула, но было видно, что осознание того, насколько публичной стала наша связь, снова напугало ее. Однако на этот раз она не отстранилась. Ее плечо по-прежнему слегка касалось моего. И в этом был огромный прогресс. Григорий, казалось, не собирался уходить. Его взгляд, полный волчьего любопытства и скрытого восхищения, не отрывался от Леси. Он оценивающе посмотрел на нее, а затем снова повернулся ко мне, но на этот раз его предложение было адресовано ей.

— Олеся, не хотите составить компанию и старому волку? — он обнажил зубы в ухмылке, в его голосе прозвучала двусмысленная нотка. — Уверен, мы бы составили пару на паркете не хуже.

Леся замерла. Ее глаза стали огромными от смущения и паники. Она инстинктивно рванулась ко мне, ее пальцы вцепились в мой рукав. Она была белой волчицей, но перед матерым серым волком, чувствующим ее уникальность, она снова почувствовала себя беззащитной дичью.

И я не выдержал.

Низкий, гортанный рык вырвался из моей груди прежде,

чем я успел подумать. Он был негромким, но настолько насыщенным угрозой, что воздух вокруг нас словно сгустился. Музыка и гул голосов на секунду стихли в моем сознании, осталось только это — мое предупреждение.

— Григорий, — мой голос прозвучал тихо, но с ледяной сталью, — Олеся — моя гостья. И она ни с кем танцевать не будет. Кроме меня.

Я не сводил с него взгляда, и мой зверь светился в моих глазах, давая понять, что это не просьба, а ультиматум. Я сильнее его. Моложе. И в этот момент я был готов разорвать его за один только намек.

Григорий замер. Его ухмылка медленно сползла с лица, уступив место уважительной осторожности. Он поднял руки в умиротворяющем жесте.

— Понял, принял, — сказал он спокойно. — Не стоило совать нос в чужую стаю. Извини, Артур. Не хотел смущать даму. — Он кивнул Лесе. — Олеся, прости. Заигрался.

Он развернулся и ушел, растворившись в толпе.

Я обернулся к Лесе. Она смотрела на меня с широко раскрытыми глазами, все еще дрожа. Но в ее взгляде не было страха передо мной. Была... благодарность. И изумление.

— Прости, — выдохнул я, чувствуя, как адреналин медленно отступает. — Я не должен был... но я не мог...

— Ничего, — перебила она тихо, ее пальцы все еще сжимали мой рукав. — Спасибо.

Она не отпускала меня. И в этом простом жесте — в ее

доверии, в ее потребности в моей защите — я почувствовал что-то, что было сильнее любого рыка. Что-то, ради чего стоило сражаться. И стоило меняться. Ее пальцы все еще сжимали мой рукав, тонкая ткань смялась в ее кулачке. Дыхание ее было частым, поверхностным. Я видел, как бьется пульс на ее шее.

— Ты испугалась? — спросил я тише, наклоняясь к ней так, чтобы никто другой не услышал. Мой голос был уже не тем рычащим предупреждением, каким звучал секунду назад, а скорее... обеспокоенным.

Она не ответила сразу, просто смотрела на меня своими огромными голубыми глазами, в которых плескалась целая буря. Потом медленно кивнула, почти незаметно.

— Да, — выдохнула она, и это слово прозвучало как признание. Признание не только в страхе, но и в слабости, в которой она не хотела признаваться даже самой себе. — Он... он смотрел на меня, как...

— Как на диковинку, — закончил я за нее, и по ее лицу я понял, что угадал. — Как на редкий трофей. Я знаю этот взгляд.

Она снова кивнула, и ее пальцы наконец разжали мою одежду, но она не отстранилась. Наоборот, она, казалось, искала опору в моей близости.

— Но ты... — она запнулась, подбирая слова. — Ты... рычал.

В ее голосе не было упрека. Было изумление. Как буд-

то она увидела что-то настоящее, что я обычно тщательно скрывал под маской джентльмена и бизнесмена.

— Да, — просто сказал я. — Зарычал. Потому что никто не имеет права смотреть на тебя таким взглядом. И уж тем более — предлагать тебе танцевать с всякими намерениями.

Я видел, как она переваривает мои слова. Видел, как страх перед Григорием постепенно растворяется, сменяясь новым, более сложным чувством. Она была смущена, потрясена, но также... тронута. Потому что мой рык был не угрозой *ей*. Он был щитом *для нее*.

— Спасибо, — снова прошептала она, и на этот раз в ее голосе прозвучала настоящая теплота.

В этот момент я понял, что, возможно, моя звериная, неконтролируемая реакция сделала для нашего сближения больше, чем все мои тщательно спланированные уловки и джентльменские манеры. Она увидела не только Артура Львовича, начальника. Она увидела Артура, волка. И, кажется, это ее не отпугнуло.

К нашему столу, словно чувствуя, что буря миновала, вернулись Дима и Ольга. Они уселись напротив, и напряжение окончательно растаяло, сменившись теплой, почти семейной атмосферой.

Разговор плавно тек от обсуждения мероприятия к более личным темам. Ольга рассказывала о новых проектах фонда, Дима в свойственной ему манере отпускал шутки, а Леся, к моему удивлению, начала понемногу втягиваться в беседу,

робко отвечая на вопросы Ольги о своей работе. Я наблюдал за ними. За тем, как Ольга, моя всегда собранная и серьезная сестра, смягчалась, глядя на Леся. За тем, как Дима, этот беспечный волчище, старался не отпускать своих слишком уж двусмысленных шуток в ее присутствии. Они принимали ее. Не как сотрудницу, а как... часть моего мира. И, похоже, она начинала это чувствовать.

Поймав на себе теплый, немного смущенный взгляд Леси, я почувствовал странное ощущение в груди. Что-то теплое и щемящее. И это подтолкнуло меня на небольшую провокацию.

Переведя взгляд на Дима и Ольгу, я позволил себе легкую, почти беззаботную улыбку.

— Кстати, говоря о семейных делах, — начал я, и Ольга тут же насторожилась, почуяв недоброе. — Когда мне, наконец, ждать племянников? А то я уже начинаю забывать, как выглядят маленькие волчата.

На столе воцарилась краткая, оглушительная тишина. Дима поперхнулся своим шампанским и закашлялся. Ольга замерла с бокалом у губ, а ее щеки залились ярким румянцем. А Леся... Леся смотрела на них с широко раскрытыми глазами, в которых читалось неподдельное любопытство.

— Артур! — выдохнула Ольга, бросив на меня убийственный взгляд. Но в ее глазах плескалось не столько раздражение, сколько смущение.

— Что? — я развел руками, изображая невинность. —

Вопрос резонный. Я же как старший брат должен беспокоиться о продолжении рода. Тем более, — я многозначительно посмотрел на Диму, который все еще откашливался, — некоторые уже давно нашли свою пару.

Дима, наконец прийдя в себя, фыркнул.
 — Не торопи события, Арч. Мы еще... наслаждаемся процессом.

Ольга закатила глаза, но улыбка выдавала ее. А Леся... она тихо рассмеялась. Это был легкий звук, который прозвучал для меня, как самая прекрасная музыка.

В этот момент, глядя на смущенную сестру, на хитро ухмыляющегося друга и на улыбающуюся Лесю, я почувствовал что-то, чего не испытывал очень давно. Покой. И чувство, что все на своих местах. И что, возможно, в этом кругу скоро появится еще одно важное звено.

 — Так ,а как вы познакомились, ну ка колитесь! А то Дима мне какие то обрывки отрывков рассказал, когда я его допрашивала. Сказал, что в клубе.

Фраза Ольги повисла в воздухе, острая и неотвратимая. Всё то теплое, спокойное чувство, что согревало меня мгновением ранее, испарилось, уступив место ледяющему душу провалу. Леся застыла, будто ее окатили ледяной водой. Ее взгляд, только что теплый и расслабленный, стал стеклянным от ужаса. Она смотрела на меня, и в ее глазах читался безмолвный крик.

Дима громко хмыкнул и уставился в свой бокал.

Я чувствовал, как по моей спине пробежали мурашки.

Пришло время платить по счетам. Я не мог позволить ей одной нести этот груз.

— Да, Оль, — сказал я, и мой голос прозвучал ровно, хотя внутри все сжалось. — Это правда. Мы встретились в «Зове Луны».

Я чувствовал, как Леся замерла рядом, превратившись в статую.

— Леся пришла туда, потому что не хотела быть чьей-то парой по указке стаи, — продолжил я, глядя на сестру, давая ей понять мотивы Леси. — А я... я пришел, потому что, почему приходят все. И там я ее учуял.

Я сделал паузу, позволяя им осознать.

— И да, — я хмыкнул, но в этом звуке не было веселья. — Она сбежала от меня.

Ольга смотрела на нас с широко раскрытыми глазами. Ее взгляд перебегал с моей уставшей ухмылки на бледное, испуганное лицо Леси. И тогда на ее лице расцвело выражение чистого, неподдельного изумления.

— Серьезно? — выдохнула она, обращаясь к Лесе. — Ты смогла сбежать? От *него*? — Она покачала головой, и в ее глазах вспыхнуло что-то вроде уважения. — Ничего себе! Я... я даже представить не могу, какая для этого нужна сила воли!

В ответ на восхищенное восклицание Ольги я не смог сдержать горьковатой усмешки. Вся эта ситуация была настолько абсурдной и по-своему унижительной, что остава-

лось только либо злиться, либо смеяться. Я выбрал второе.

— Сила воли? — я фыркнул и покачал головой, глядя на Лесю, которая, казалось, снова готова была провалиться сквозь землю. — Оль, она не силой воли воспользовалась. Она просто дала мне между ног. С поразительной, надо сказать, точностью.

На столе воцарилась гробовая тишина. Даже Дима, обычно такой словоохотливый, замер с открытым ртом. Ольга застыла с выражением лица, на котором смешались шок, недоумение и медленно проступающее понимание всей комичности ситуации.

А потом Ольга фыркнула. Сначала тихо, сдержанно, а затем, глядя на мое лицо, она разразилась таким искренним, громким хохотом, что на нас обернулись с соседних столов. Она схватила за живот, слезы выступили у нее на глазах.

— Ох, боже мой! — выдохнула она, пытаясь отдышаться. — Артур... Мне... мне почти жаль тебя! Почти! — Она снова залилась смехом. — Никто и никогда! Никто не осмеливался!

Дима наконец пришедший в себя, присоединился к ее хоту, давась и хлопая себя по колену.

— Вот это да, Лесь! — выдохнул он, смотря на нее с новым, почтительным удивлением. — Респект! Я теперь понимаю, почему Арч ходит вокруг тебя, а близко не подходит! Боится повторения!

Леся сидела, пылая таким ярким румянцем, что, казалось,

ВОТ-ВОТ задымится.

Я смотрел на хохотавших сестру и лучшего друга, на смущенную, но улыбающуюся Лесю, и чувствовал, как последние остатки напряжения покидают меня. Да, это было унижительно. Но это было также и смешно. И самое главное — это было *настоящее*. Наша странная, нелепая, болезненная история стала частью нашего общего семейного фольклора. И в этом не было ничего плохого. Наоборот.

Я покачал головой и, наконец, позволил себе улыбнуться в ответ.

— Да уж, — сказал я, глядя на Лесю. — Первый раз, когда со мной знакомятся именно так. Запоминается, ничего не скажешь.

И впервые за весь вечер она посмотрела на меня без тени страха. Только со смущением. И, возможно, с крошечной долей гордости.

Олин смех постепенно стих, сменившись нарочито серьезным выражением лица. Она повернулась к Лесе, все еще сияющей от смущения, и подняла указательный палец, как строгая школьная учительница.

— Лесь, — начала она с подчеркнутой серьезностью, хотя в уголках ее губ все еще играли смешинки. — Так больше не делай. Это, конечно, эффективно, но... — она многозначительно перевела взгляд на меня, а затем обратно на Лесю, — ...ты же не хочешь оставить нашу стаю без наследников от альфы? Сама же потом жалеть будешь.

Воздух, только что наполненный смехом, снова сгустился, но на этот раз от смущения, переходящего в панику. Леся, казалось, готова была просто испариться на месте. Ее лицо залилось густым багрянцем. Она издала тихий, беспомощный звук и опустила голову, словно пытаясь спрятаться за своей тарелкой с десертом.

А я... я не сдержался. Громкий, раскатистый смех вырвался из моей груди. Это была не та сдержанная усмешка, что была раньше, а настоящий, громовой хохот, который я не мог контролировать. Абсурдность ситуации, шокированное лицо Леси и убийственно серьезное выражение Оли — все это смешалось в один комичный коктейль.

— Ольга, ради всего святого! — выдохнул я, давясь от смеха. — Ты ее сейчас в гроб вгонишь!

Дим, наблюдавший за всей сценой, снова начал хрипло хотать, постукивая кулаком по столу.

Леся подняла на меня взгляд, полный немого укора, но, увидев мое искреннее веселье, ее собственные губы дрогнули в ответ. Стыд начал понемногу отступать, уступая место неловкому, но уже не такому болезненному смущению.

— Я... я не думала... — начала она, но снова запнулась.

— Никто и не сомневается, — успокоила ее Ольга, наконец снова улыбнувшись по-настоящему. Ее шутка, хоть и рискованная, достигла цели — она окончательно стерла последние следы неловкости, превратив нашу тайну в общую, хоть и пикантную, семейную шутку. — Просто береги... цен-

ности нашей стаи. Они пока в единственном экземпляре.

На этот раз засмеялась даже Леся. Тихо, смущенно, прикрывая рот рукой, но это был смех.

Вечер постепенно подошел к концу. Огни в зале стали приглушеннее, гул голосов стих, и гости начали расходиться. Я наблюдал за Лесей и видел, как за вечер ее собранность и напряжение медленно сменились тихой усталостью. Непривычны ей такие светские рауты, этот постоянный яркий свет, музыка и необходимость поддерживать беседу — все это истощило ее.

Когда мы попрощались с Олей и Димом, я почувствовал, как она почти физически радуется предстоящему уединению. Я помог ей накинуть легкое пальто и проводил до машины. Она шла рядом, слегка покачиваясь, ее плечи были опущены.

— Спасибо за вечер, — тихо сказала она, когда я открыл перед ней дверь.

— Это тебе спасибо, — так же тихо ответил я, помогая ей сесть.

Я обошел машину, сел за руль и хотел завести двигатель, но решил сначала сказать ей что-то. Обернулся, чтобы спросить, не холодно ли ей, не хочет ли она, чтобы я включил музыку...

И замер.

Леся сидела, прислонившись головой к прохладному стеклу, ее плечи поднимались и опускались в ровном, мед-

ленном ритме. Длинные ресницы лежали на ее щеках, губы были слегка приоткрыты. Весь остаток гордой собранности исчез с ее лица, оставив лишь хрупкое, беззащитное и до боли прекрасное выражение полного покоя. Она уснула.

Я просто смотрел на нее, не в силах отвести взгляд. Вся ярость, все желание, все игры и борьба — все это ушло на второй план, уступив место чему-то теплomu и щемяще нежному. Она доверилась мне настолько, что позволила себе уснуть в моем присутствии. В машине человека, которого еще недавно боялась до дрожи. Я не стал ее будить. Я тихо завел машину, выставил комфортную температуру и плавно тронулся с места, стараясь вести автомобиль как можно осторожнее, чтобы не нарушить ее сон.

Огни ночного города мелькали за окном, окрашивая ее лицо в синие и золотые отблески. Она спала, а я вез ее домой, чувствуя странную, непривычную ответственность и желание защитить этот хрупкий покой любой ценой.

Мысли неслись вихрем. Отвезти ее домой? Но я не знал, проснется ли она, чтобы открыть дверь. Оставить одну в машине? Немыслимо. Будить? Выглядеть она сейчас такой беззащитной и умиротворенной, что рука не поднималась нарушить ее сон.

Решение пришло само собой, твердое и безапелляционное. *Я беру на себя ответственность.*

Я не повернул к ее дому, а направился к своему пентхаусу. По дороге я лишь раз рискнул позвать ее по имени, но в ответ

услышал лишь ровное дыхание. Она спала глухим сном.

В гараже я заглушил двигатель и несколько минут просто сидел в тишине, глядя на нее. Потом осторожно вышел, открыл ее дверь и наклонился. Она не шелохнулась, когда я просунул одну руку ей под колени, а другую — под спину. Она была удивительно легкой. Я вынул ее из машины и понес к лифту, прижимая к себе так, чтобы ее голова лежала у меня на плече.

Она так и не проснулась. Лишь глубже уткнулась лицом в мой пиджак, издав тихий, сонный вздох. Этот доверчивый жест заставил мое сердце сжаться. В квартире я пронес ее прямо в спальню и бережно уложил на свою большую кровать. Она перевернулась на бок, свернувшись калачиком, словно ища защиты. Я снял с нее туфли на высоких каблуках, потом, после секунды колебаний, расстегнул пряжку на ее тонком ремешке, чтобы ей не было тесно. Каждое прикосновение было осторожным, почти благоговейным.

Я натянул на нее тяжелое шелковое одеяло, укутав ее с головой, как ребенка. На прощание позволил себе провести рукой по ее растрепавшимся белым волосам.

Затем я вышел из спальни, прикрыв дверь, и рухнул на диван в гостиной. Тело гудело от усталости и переизбытка эмоций. Но в голове была лишь одна мысль, ясная и четкая: она здесь. Под моей крышей. В моей кровати.

Я лег, уставившись в темный потолок, прислушиваясь к тишине, которая теперь была наполнена звуком ее дыхания

за стеной. И впервые за много лет я почувствовал не пустоту своего роскошного убежища, а нечто совершенно иное. Присутствие. И странное, непонятное чувство дома.

Я проснулся мгновенно, как всегда — отточенный инстинкт хищника, никогда не отключающийся до конца. В квартире стояла полная, гробовая тишина, нарушаемая лишь мерным гулом климатической системы. Но что-то было не так.

И тогда я услышал это. Еле уловимый скрип половицы в коридоре. Не громкий, случайный, а тихий, осторожный, будто кто-то крался. Все мое тело напряглось. Адреналин ударил в кровь. *Она*. Кто еще мог быть здесь? Мой внутренний волк насторожился, готовый к защите своей территории и... той, кто спал в соседней комнате.

Я бесшумно поднялся с дивана и так же бесшумно двинулся на звук. В полумраке, освещенном лишь городскими огнями из панорамных окон, я увидел ее силуэт. Она стояла посреди гостиной, повернувшись спиной ко мне, и смотрела на ночной город. Ее хрупкая фигура в одном только моем просторной футболке, которую я, видимо, оставил на стуле, казалась призрачной и незащищенной.

Она не кралась с целью напасть. Она... блуждала. Как лунатик. Или просто не могла уснуть в незнакомом месте.

Я сделал шаг, намеренно позволив половице слегка скрипнуть под ногой, чтобы не напугать ее внезапным появлением.

— Леся? — тихо позвал я.

Она резко обернулась. В свете окон я увидел ее широко раскрытые глаза, полные ночной темноты и смутения.

— Я... я не знала, где я, — прошептала она, и ее голос дрожал. — Я проснулась, а вокруг все чужое... Я испугалась.

Сердце мое сжалось. Она не пыталась сбежать. Она была дезориентирована и напугана.

— Ты в безопасности, — сказал я, останавливаясь в паре шагов от нее. — Это моя квартира. Ты так крепко уснула в машине, что я не решился тебя будить.

Она обвела взглядом огромную, затемненную гостиную, и ее плечи слегка опустились, будто от облегчения.

— Прости, что разбудила тебя.

— Ничего, — я подошел ближе, но не прикасаясь к ней.
— Не можешь уснуть?

Она молча покачала головой, снова глядя в окно. Ее руки обнимали себя за плечи.

— Город такой... большой. И тихий сверху.

Мы стояли рядом в тишине, глядя на усыпанное огнями полотно мегаполиса. И в этой ночной тишине, в ее беззащитности и в моем желании эту беззащитность оберегать, было что-то более интимное, чем любая страсть. Что-то настоящее.

Я встал с дивана, и в тусклом свете, падающем из окна, она наконец разглядела меня получше. Вернее, разглядела, в чем я был. Вернее, в чем я *не* был.

— При этом ты переоделась в футболку, — я кивнул в ее сторону, пытаясь разрядить обстановку легкой шуткой. — Мне нравится. На тебе сидит... уютно.

Мои слова повисли в воздухе, но эффект оказался прямо противоположным желаемому. Ее взгляд, скользя по моему лицу, тут же устремился куда-то в район моего плеча, а затем, будто обжегшись, отскочил в сторону. Ее щеки, и без того бледные при лунном свете, залились таким ярким румянцем, что его было видно даже в полумраке. Она резко отвернулась к окну, скрестив руки на груди еще плотнее.

— Я... я просто... я не помню как это произошло, наверно, на автомате... — пробормотала она в стекло.

Я понял свою ошибку. Шутка про футболку прозвучала как намек на что-то личное, в то время как она была абсолютно дезориентирована и уязвима. А мой вид — голый торс, испещренный шрамами и мышцами, спортивные штаны, низко сидящие на бедрах — только усилил ее смущение. Для нее я был не просто Артуром. Я был альфой, чье тело говорило о силе и агрессии, и сейчас мы стояли посреди ночи в моем логове.

Я не стал подходить ближе.
 — Прости, — сказал я тише, уже без тени иронии. — Я не хотел смущать тебя. Хочешь, я принесу тебе воды? Или... можешь вернуться в кровать. Я не буду тебе мешать.

Она медленно покачала головой, все еще глядя в окно.
 — Нет. Я... я просто постою тут немного. Если ты

не против.

— Конечно, — я отступил назад, к дивану, давая ей пространство. — Стой, сколько захочешь.

Я сел на край дивана, наблюдая, как ее силуэт вырисовывается на фоне ночного города. Она была похожа на испуганную птицу, заблудившуюся в слишком большой клетке. И все, что я сейчас мог сделать — это не спугнуть ее, дав ей время привыкнуть к тому, что эта клетка... может стать и убежищем. Тишина затягивалась, становясь все более тягостной. Она стояла, отвернувшись, и я чувствовал исходящее от нее смещение, как физический вибрацию в воздухе. Молчание было хуже любой неловкости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.